

АНАТОЛИЙ
МАТВИЕНКО

ДЕ БЮССИ

Боевая фантастика (АСТ)

Анатолий Матвиенко

Де Бюсси

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Матвиенко А. Е.

Де Бюсси / А. Е. Матвиенко — «Издательство АСТ»,
2018 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-110332-3

Чем может обернуться для офицера российской внешней разведки встреча с юной красавицей из XVI века, произошедшая при самых невероятных обстоятельствах? Только одним – внезапно и не ко времени вспыхнувшей страстью. Против влюбленного – козни и интриги королевских придворных, вероломство коронованных особ, подлость врагов, предательство мнимых друзей... Даже сами законы мироздания, препятствующие нахождению нашего современника в прошлом. Хватит ли ему мужества, самоотверженности, готовности совершать немыслимые поступки, ежедневно рискуя жизнью и честью, чтобы уберечь свое счастье от превратностей судьбы?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-110332-3

© Матвиенко А. Е., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Часть 1	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	24
Глава пятая	29
Глава шестая	34
Глава седьмая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анатолий Евгеньевич Матвиенко

Де Бюсси

© Анатолий Матвиенко, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Часть 1

Король республики

Глава первая

Прекрасная вдова

Четверо конных, преградивших дорогу, по виду принадлежали к благородному сословию. Нас – трое, вполне пристойное соотношение для доброй драки, если не считать, что за нашими спинами скучилось всего лишь пятеро слуг, а у противника собран целый отряд с полдюжиной всадников и двумя десятками пехоты.

Сзади донесся хруст ломающихся веток. Из заснеженного подлеска, облепившего стволы сосен, шустро выползали мужики совершенно разбойной наружности, азартно размахивая копьями, топорами и просто рогатинами. Разумнее всего было, не вступая в переговоры, развернуться и броситься наутек прямо через них, пока эти нестройные воины не сомкнули ряды, крушить им головы копытами лошадей, рубить саблех направо и налево...

– С кем имею честь? – тем временем осведомился мой спутник. В его голосе не чувствовалось ни малейшего желания удрать. – Кто преградил путь крулю Речи Посполитой?

Разогревшись от скачки, он распахнул меховой плащ. На малиновом бархате камзола блеснула массивная золотая цепь с тяжелым католическим крестом, украшенным драгоценными камнями. Породистое лицо с тонкими усиками не выражало ничего, кроме презрения. Мой друг выглядел особой королевской крови. Всем известно – выливать ее на снег чревато последствиями.

– Под католика вырядился, гугенотский пес! Все французы – поганые еретики! – долетело из польских рядов. Возмутился представительный пан в лисьей шапке, он точно из шляхты, простолюдинам на течения в христианстве плевать.

Их язык понимаю скверно, но один из четверых благородных, выехавший на пяток шагов, сносно заговорил по-французски. Речь его мне совершенно не понравилась.

– Ваша светлость, избрание вас королем было ошибкой шляхты, поддавшейся на уговоры гугенота Монлюка. Я, маршалок Михаил Чарторийский, намерен эту ошибку исправить. – Он выдержал торжественный тон, но его гнедая кобылка вдруг взвилась на дыбы, здорово испортив впечатление: выходит, поляк толком не смог совладать даже с лошадей, однако пыжился изменить европейскую политику. – Если вы – человек чести, предлагаю спешиться и скрестить шпаги!

В случае отказа принять вызов они всем скопом бросятся на нас, это понятно и без дальнейших угроз. То, что половина польских ополченцев непременно сложит головы, Чарторийский, думаю, в расчет не принял, упиваясь плодами своего хамства.

Мой спутник вскипел праведным гневом: обращение «ваша светлость» вместо «сир» или хотя бы «ваше высочество» унизило всех Валуа, Генрих Анжуйский – не только приглашенный посполитый король, но и родной брат короля Франции. Унижает это и всех нас – направляющихся в Польшу французских дворян. А уж высказанное публично сомнение в чести исключило возможность примирения. От деланой невозмутимости ничего не осталось, теперь рядом со мной скрипел зубами хищник, готовый сорваться с тонкой узды цивилизованности.

Оскорбленный, он спрыгнул с коня, отдав слуге меховой плащ и дорогие, но слишком уж тяжелые побрякушки.

Польский задира тоже скинул кафтан, вручил слуге ножны от сабли и булаву-шестопер. Он встал перед нами, поигрывая клинком и не зная, что ему уготована схватка не с герцогом

Анжуйским, интригами Екатерины Медичи приглашенным на краковский трон, а с Шико – первым фехтовальщиком Франции и, по совместительству, королевским шутком. Иначе наверняка бы не испытывал судьбу и сказал своей своре «фас».

Жить поляку осталось всего ничего, я заранее был уверен, что ранением дело не кончится, такая дерзость наказывается смертью, наглядной для наших врагов. Но устрашение врагов – в перспективе, а сейчас, в глухом заснеженном лесу, меня терзала мысль: по окончании их дуэли целая толпа бросится в атаку, затапывая нас массой.

Мне импонировал несколько иной сценарий, к нему и приступил. Матильда покорно попятилась, повинувшись натянутым поводьям. Пока внимание приковано к дуэлянтам, на меня никто не глядел, а напрасно! В ближнем бою привыкли полагаться на холодное оружие, пистолеты пока пригодились... Но сейчас как раз возникла подходящая пауза, чтобы подсыпать порох на полки и взвести курки. Да и пистолеты у меня не совсем обычные, они с нарезными стволами и загодя вставленными пулями. Спешившись, я по дуге прокрался к Чарторийскому, удерживая руки за спиной. У меня на боку – кавалерийская сабля, она сподручнее в суতোлке, чем изящная, смертоносная, но слишком уж хрупкая шпага.

Вот только бы унять нервную дрожь, охватившую тело от возбуждения. Минута – и все решится, выстоим или погибнем... Я никогда не жаждал крови, но коль кто-то другой взял на себя смелость судить – жить мне или умереть, пусть пеняет на себя.

– Имею честь атаковать вас! – поляк выписал витиеватый жест клинком, но не успел даже принять стойку, как раздался первый мой выстрел.

На узкой дороге между соснами бабахнуло, как в театральном зале – весьма громко. От грохота пальбы, главное – неожиданного, лошади испуганно бросились в сторону, в рядах пеших воцарилось замешательство. Теперь надо было дожидаться, когда дворянин, брюзжавший про гугенотов, усмирит своего коня и превратится в легкую мишень... Есть! Пуля опрокинула его на круп, конь встал на дыбы, пан сполз на снег.

Не ждали? Не думали, что французские дворяне столь дерзко отбросят дуэльный этикет? Ошиблись, панове! Вы устроили ловушку вами же приглашенному королю! То есть первыми вывели схватку за пределы законов и приличий, тем самым освободили меня от условностей, к тому же и без того не слишком условности чтушего.

Разрядив оба ствола седельного пистолета, бросил его – перезаряжать времени нет. Прогрели два выстрела из второго. В рядах шляхты появилась еще одна потеря, лишь четвертый пан, легко раненый, успел смыться в тыл, чтобы оттуда науськивать свою маленькую армию. Но для нашей троицы – слишком большую...

Бросив на меня осуждающий взгляд, что не дал проучить Чарторийского, мой соратник кинулся на пикинера, не сподобившегося даже направить свое оружие в нашу сторону. Шпага ужалила в горло, а я едва смог отрубить саблей древко другой пики, ей один из польских воинов пытался достать моего товарища в бок.

Тот, не теряя времени, швырнул кинжал в лоб следующему поляку.

На этом наши достижения закончились, ошеломление от стрельбы и первой атаки прошло. В польских рядах наметился порядок, нас потеснили к оставленным лошадям. Сзади донеслись крики по-французски и по-польски, ругань «пся крэв» и что-то еще похлеще, к брани примешался звон металла – в тылу вступили в бой наши пятеро слуг, тоже в удручающем меньшинстве.

До неминуемой смерти считанные удары сердца... Нужно было срочно что-то предпринять, столь же неожиданное, как пистолетная стрельба! Например – оставить поле боя.

– Простите, сир, что вынужден вас покинуть!

Не дожидаясь его возмущенного ответа, кувырком через сугроб я нырнул в лес. Бегом, проваливаясь по колено в снег, понесся вперед вдоль дороги. За мной неуклюже топал медве-

жьего вида мужик в тулупе и с огромным топором, напоминающим размерами русский бердыш, железка цеплялась за ветки, обрушивая на хозяина потоки снега.

Оторвавшись от преследователя, я выскочил из-под низких еловых лап и с разбега прыгнул на последнего дворянина, опрокидывая его вместе с конем. Пан заверещал как раненый заяц – ногу ему придавило к дороге седлом и лошадиными ребрами, да еще мой вес навалился сверху. Вопли пленника мне на руку: его клеветы начали оборачиваться.

– Всем бросить оружие! Иначе ваш господин немедля встретится с Создателем!

Естественно, никто из ополчения по-французски не говорит, зато нервно дергающееся существо подо мной прекрасно поняло сказанное. Доходчивость слов усилил холодный кинжал у горла.

– Бросайте оружие, курвы! – завопил он своим. – Бросайте, песьи души! Встану – сам отправлю вас в ад!

Добрая треть согнанного сюда простонародного «быдла» уже погибла ради прихоти панской четверки, но шляхтича это не особо тронуло.

Шико, заляпанный кровью с головы до пят, но, кажется, абсолютно целый, принялся обыскивать пленников в поисках золотой цепи, похищенной у убитого слуги. Он прав: если Генрих узнает, что шут потерял его подарок, гнев будет не меньше, чем при известии о засаде и покушении на высочайшую особу.

Мой слуга Жак, здоровенный увалень из Прованса, впрочем – достаточно проворный в исполнении деликатных хозяйских поручений, отделался порванным кафтаном и лиловым кровоподтеком на широкой румяной физиономии, раскрасневшейся от битвы. Держу пари, две недвижимые крестьянские фигуры, распростертые на заднем плане, отягощают грехом именно его душу, о чем он ничуть не сожалел, деловито обшаривая трупы в поисках трофеев.

– Жак! Проклятье! Ты опять за свое, мародер чертов! Быстро доставь мои вещи! И лошадь!

Он нехотя оторвался от дела и подвел Матильду под уздцы. Вместе мы подняли на ноги единственного живого польского дворянина.

– Пан?

– Пан Огинский, господин француз, к вашим услугам.

Вежливый, сволочь, когда его жизнь зависит от одного движения моих бровей! Жак, он куда выше Огинского, уже рассмотрел перстень на перчатке пленника и смекнул, что с мертвой руки драгоценность снимается легче. Поэтому оторвал бы пану не только руку, но и голову без раздумий.

– Услугу вы уже оказали, не околевайте с тремя другими шляхтичами, – оборвал я Огинского. – Иначе нам пришлось бы драться с остальными до последнего живого поляка... Славным же получилось явление в Речи Посполитой королевского шута!

– Шута?!

И так побледневшее от потери крови лицо стало белее снега, отразив бешеную вереницу мыслей: гибель товарищей, пулевая рана в плече и унижительный плен – все это произошло из-за Шико, обычного фигляра-лицедея, ряженного под Генриха Анжуйского? Какой ужасный, несмыаемый позор...

– А как вы думали? Что король въедет на польские земли, где у него больше врагов, нежели друзей, в сопровождении всего лишь двух придворных? Странного вы мнения о сюзерене, приглашенном править страной.

– Не править... Царствовать, – слабо возразил недотепа. – Правит Сейм.

Я наслышан о нравах Речи Посполитой, в переводе на французский название государства произносится как «Польская Республика», по образу Римской Республики до эпохи императоров. Вот только какого дьявола республике нужен король, понять не могу. «Король республики» – это даже звучит глупо.

Огинский был одет в длиннополый суконный кафтан – контуш, голову венчала забавная рогатывка – шапочка с отворотом, разрезанным надо лбом. Его подсадили на коня, и он кое-как удержался в седле, хоть темное пятно проступило на плече даже через сукно. Перевязать бы мерзавца, но не среди дикого леса, тем более что начало вечереть – короткий январский день приблизился к закату, тусклое солнце как осторожный лазутчик едва выглядывало из-за сосен.

– Далеко ли до Лодзи, пан Огинский?

Он задумался на минуту, прежде чем ответить.

– До ночи успеем.

– Если впереди больше нет панских засад, – вмешался Шико, снова принявший царственный облик. – Признаться, я утомился. Да и не терпится поведать Генриху, как мы научили ретивых шляхтичей покупать пуговицы про запас, чтобы застегивать на брюхе прорехи от моей шпаги!

Шутки у Шико всегда примерно такого же плана, как по мне – они совершенно не смешные. Но король и придворные искренне смеялись до упаду. Поэтому я ухмыльнулся в усы, слушая ржание де Бреньи, третьего члена нашей маленькой группы, и хихиканье уцелевших слуг. Поляки не поняли наш разговор, кроме Огинского, а ему было не до улыбки.

– Бургомистра тоже придется увещевать новой дыркой под пуговицы?

Шляхтич отрицательно качнул головой. По его словам, лодзинский градоначальник пан Ян Домбровский – человек консервативных взглядов, посягательство на решение Сейма о приглашении короля из дома Валуа сочтет покушением на священные права магнатов управлять государством. То есть, судя по скисшей физиономии и, особенно, – по вислым усам, кончики которых упали на ворот контуша, олицетворяя тоску побежденного, мой пленник ожидал печальной участи. Вполне вероятно – заточения в тюрьму за попытку переворота.

Коротая дорогу, я засыпал Огинского вопросами о других подробностях польской политики. Сопrotивление воцарению Генриха, по его мнению, не ожидалось таким уж сильным, как могло показаться после теплой встречи в лесу. Польская государственность затрещала по всем швам, коль в числе кандидатов на трон круля посполитого, по совместительству великого князя литовского, магнаты зазывали даже Ивана IV Грозного из Московского царства, лютого своего врага. Правда, тот отвертелся, для вида выдвинув невыполнимые требования, занятый по горло реформами и борьбой со шведами. Другие кандидаты выглядели не менее отталкивающе для большинства шляхты, поэтому фигура Генриха Анжуйского стала компромиссной и дающей надежду – близость к домам Медичи и Валуа поддержит Польшу в вечнотрудное для нее время.

К тому же Сейм обложил воцарение монарха множеством совершенно странных условий: Генриху вменялось в обязанность расплатиться по всем долгам Сигизмунда Августа, пригласить молодых польских дворян получить образование в Париже, по первому требованию предоставить многотысячный французский корпус для очередной кампании против москвитов (да-да, против того же Ивана Грозного, званого претендента на престол!).

А еще силами французского флота защищать польское побережье Балтики и научить панов самих кораблестроению...

Услышав последнее требование, не слишком, надо сказать, неожиданное, о нем поведал еще де Монлюк, французский посол при польском дворе, Шико усмехнулся и подправил ус, усилив сходство с королем. Узкая вертикальная борода, перечеркнувшая подбородок, также была подстрижена а-ля Генрих Анжуйский, добавляя комичность пародии шута на своего господина.

– Клянусь святой Екатериной, Луи, – подмигнул он мне. – Польский трон – чертовски ценное для Франции приобретение, раз за него придется платить столь большую цену. Вот только в чем именно его ценность, я в толк взять не могу.

– Величие любого королевского дома измеряется площадью присоединенных земель. Война прекрасна, но обходится еще дороже. Сейчас мы фактически добавляем Польское королевство и Литовское княжество без единого выстрела... Прости – ценой моих четырех выстрелов из пистолетов. Пока только личной унией. Бог даст, со временем эта тонкая ниточка превратится в корабельный канат.

Угрюмый взгляд Огинского прожег нас из-под насупленных бровей. Гости даже не попытались скрыть, что вознамерились занятие церемониального поста сменить оккупацией! Не знал несчастный, что стрельцы Ивана Грозного деликатничили бы еще меньше.

Как и обещал пленник, бургомистр разве что не вилял хвостом от преданности новому королю и впал в панику лишь по одному поводу – от известия о множественности монаршего поезда: скоро в Лодзь нагрянет уже выехавший из Познани караван Генриха, в нем тысяча двести французских душ (и тел), что означает свыше трехсот карет на санном ходу, четыре сотни подвод, две с половиной тысячи лошадей с запасными. Для Лодзи – слишком уж большое счастье, а приготовить город к радостной встрече посланы мы, разведчики и квартирьеры.

– Так ест, панове, надеюсь, вы будете бдительны, – Домбровский заломил пухлые пальцы в знак отчаяния, когда поднялась тема засады Чарторыйского. – Заговоры у нас зреют быстрее, чем растут грибы в середине лета. Четверо наглецов в лесной чаще – малая толика недовольных и готовых обнажить шпагу.

Аж пригнулся, всем видом выражая осуждение бунтовщикам, а глаза спрятал и что-то наверняка скрыл...

Закончив с политикой, он распорядился нагреть воду для приезжих. Грязью здесь никого не удивишь, но расхаживать в багровой корке от чужой крови считается некомильфо. Шико решил проинспектировать будущие королевские покои, а я, пользуясь паузой, спустился вниз, в людскую бургомистрового особняка, где раненому Огинскому приглашенный лекарь должен был оказать первую помощь. Пленник мне понадобится как свидетель подлого заговора против короля; в глазах господ простолюдином веры нет, даже если они сто раз поклянутся на Священном Писании.

Архитектура дома дышала средневековьем: окна узкие и запираемые мощными ставнями, винтовые лестницы более приспособлены к обороне с мечом в руке, нежели обычной ходьбе вверх и вниз, коридоры освещены факелами, а не канделябрами. Дом напоминал скорее небольшую крепость, чем жилище градоначальника.

На галерее у лестницы, ведущей на первый этаж, я встретил очень взволнованную и очень молодую пани, она признала во мне человека благородного происхождения, что-то быстро затараторила по-польски. Выдавил из себя «не розумем», пораженный ее красотой. Она легко перешла на французский и взмолилась рассказать о маршалке, утром уехавшем в лес ради какой-то авантюры. Мой черный со следами крови плащ, украшенный дыркой от копья, к счастью, не задевшего тело, красноречивее любых слов сообщал любому – уж я-то точно не остался в стороне от драки.

– Была схватка, дорогая пани! Есть раненые, они остались в лесу. За ними бургомистр выслал подводы.

За окнами стояла непроглядная темень. В Лодзи не было еще ночных фонарей. Тем паче – за стенами города. К утру мороз обычно крепчает, если раненых не привезут, не обогреют, вряд ли у них сохранились шансы выжить...

Она тоже это поняла и прижала руку в белой перчатке к губам, с видимым усилием сохраняя спокойствие.

– Мерси... Хоть и новость ваша ужасна. Но кто вы, сударь?

– Луи де Клермон, сеньор де Бюсси д'Амбуаз из свиты короля Генриха. Могу ли я узнать ваше имя, прекрасная пани?

Прекрасная – это не фигура речи, не просто дань вежливости.

Она действительно была молода и свежа. В шестнадцатом веке дамы увядают быстро, ей точно не исполнилось и двадцати. Наверно, даже не панна, а паненка, не знал еще, как различается на востоке наряд незамужних и замужних особ. Неужели я осиротил красавицу, отправив в пекло ее отца, участника подлой лесной вылазки?

Такой нежной и восхитительно тонкой кожу не сделают никакие косметические ухищрения, они способны лишь скрывать изъяны лица и подчеркивать недостатки. Здесь изъянов не было, а все необходимое подчеркнула мать-природа.

Кристалльно глубокие серо-голубые глаза, необычайно выразительные от нахлынувшей тревоги, переполнились тенями неприятных вопросов: что же произошло на самом деле? Не томите меня, расскажите всю правду...

Надо отвечать, но я просто стоял и любовался. Темные узкие брови взлет... Курносый маленький носик, славянский, совсем не похожий на аристократические длинные носы парижанок, как-то особенно притягивал взгляд. Упрямо сжатые вишнево-алые губы были чуть закушены от избытка чувств. Из-под шапочки выбился локон...

Если в ту секунду кто-то кинулся бы на меня со шпагой, я не успел бы даже вытащить свою из ножен – руки стали ватные.

– Эльжбета Чарторыйская, сеньор де Бюсси, – назвалась она. – Жена пана Михаила Чарторыйского. Так вы встречались с ним? Имеете ли о нем известия?

Встречался ли? Еще как встречался и без сожалений пристрелил его. Может ли этот факт служить поводом для знакомства с его прекрасной вдовой? Без преувеличения самой красивой женщиной на свете, виденной мной и в шестнадцатом, и в двадцать первом веке.

Но как же, право, все неловко получилось!

Глава вторая Реймс и Париж

Неловкости начались на самом деле гораздо раньше, совпав с Варфоломеевской ночью. Или еще раньше... быть может, правильнее сказать – позже, примерно на четыре с половиной сотни лет. Я в качестве атташе по культуре при посольстве Российской Федерации во Франции прибыл в Реймс для подготовки очередных официозных Дней русской культуры, на самом деле – выяснить некоторые подробности касательно расквартированной на авиабазе «Командант Марен ла Меле» эскадрильи «Нормандия-Неман».

Надо упомянуть, что посольская должность атташе по культуре имеет чрезвычайно неприятную особенность – необходимо действительно в этой культуре разбираться. На каждом дипломатическом приеме такие же гуманитарные коллеги-атташе из ЦРУ, МИ-6 или Моссад считают своим долгом завести разговор о местных достопримечательностях архитектуры, живописи, литературы, прозрачно намекая: мы знаем, кто ты, и мы знаем, что ты в курсе о нашей истинной служебной принадлежности. Упасть лицом в грязь, признавшись в неведении относительно заслуг некоего светоча искусства, считается непрофессионализмом и дурным тоном. Ладно, когда речь заходит о Танзании или Мадагаскаре, труднопроизносимые имена всех африканских авторитетов запросто выучить за один вечер. Но Франция! Она дала миру больше известных личностей, чем десятки других государств, вместе взятых... Четыре года в Париже зря не прошли, теперь и я мог усадить в лужу очередного атташе по культуре невинным вопросом о поэзии эпохи Возрождения, но все равно – до энциклопедического уровня знаний еще весьма далеко.

Теперь о задании в Реймсе. Летчики легендарной «Нормандии-Неман» отличились в Югославии во время интервенции НАТО. Бомбы и ракеты с французских «миражей» рвали на части сербских детей, женщин и стариков не хуже, чем американские «томагавки». По большому счету летчики «Нормандии-Неман» – такие же военные преступники, как и пилоты люфтваффе, расстреливавшие беженцев на дорогах Украины и Беларуси летом сорок первого, только Нюрнбергского трибунала на них нет, а Гаагский трибунал судил сербов и хорватов – далеко не самых страшных убийц в Балканской войне, и, естественно, никто не попал на скамью подсудимых из главных виновников трагедии – американцев и их европейских пособников.

Российское правительство отреагировало жестко. В числе прочего 18-й гвардейский авиационный полк «Нормандия-Неман», сохраненный в нашей стране как кусочек славного и общего с французами прошлого, был демонстративно расформирован.

Через несколько лет французы дали задний ход. Стало очевидно, что албанское Косово, отвоёванное силами НАТО в пользу сепаратистов, – отнюдь не край несправедливо обиженных белых-пушистых, ради счастья которых имело смысл истреблять тысячи сербских нонкомбатантов. С 2010 года ветераны «Нормандии» исправно приезжают в Москву на 9 мая, но что думают действующие пилоты – неизвестно.

Чем обернется невинное задание узнать о морально-психологической атмосфере на авиабазе, я и подозревать не мог. Наверно, всему виной подспудные мысли. Засыпая с томиком французской классики в руках, много раз думал об изменении нравов за истекшие четыре с половиной века, с воцарения Бурбонов в лице Генриха IV до наполеоновской Директории и нескольких республик. Пусть книги приукрашивают действительность, но что-то такое важное, стоящее в этом непременно есть: читая «Графиню де Монсоро», «Трех мушкетеров», «Графа де Монте-Кристо», я обращал внимание, что дворянская честь, отвага, верность тогда все еще считались нормой, а коварство, интриги и ложь – отвратительными исключениями, с ними боролись положительные герои. У Александра Дюма гугенотские войны и эпоха Ришелье изоб-

ражены романтично, у писателей, считающихся серьезными, – с основательной долей прозаического натурализма. Все сходилось в одном – ростки рыцарства в ту пору были сильны, не вытоптаны до конца корыстью и политиканством. И что-то подсказывало мне: французские дворяне эпохи Возрождения, в основной своей массе саботировавшие уничтожение гугенотов, вряд ли согласились бы на подобное по сомнительности задание – сесть в боевые машины и вести их на бомбардировку Белграда. Честь превыше всего, и бесчестный приказ не подлежал исполнению!

В какой-то мере галантную эпоху для меня олицетворял не только Париж, но и Реймс, находящийся примерно в полутора-двух километрах к востоку от столицы, потому что именно здесь короновали французских монархов, произошли другие очень важные события... И что совершенно не объясняет, как мое появление в Реймсе у авиабазы повлекло столь странный поворот в судьбе, забросившей меня в Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 года, в разгар избиения гугенотов!

...Мой сон был бесцеремонно потревожен тряской за плечо.

– Проснитесь, мой господин! В Париже бунт! Герцог Анжуйский прислал гонца и немедленно требует вас в Лувр.

Почему-то я сообразил, что ухватившая меня пятерня размером с саперную лопатку принадлежит верзиле по имени Жак. И его странная речь, лишь в самых общих чертах напоминавшая современный французский, была вполне понятна, сверх того – я послал его седлать Матильду, черную в белых яблоках молодую кобылу, поторапливая на том же странном аргю.

У меня есть лошадь? Честное слово, с детства мечтал о животном, родители отказали даже в покупке собаки, потом командировки... Но лошадь?! Выяснилось, что я недурно умею на ней ездить, и что кобыла прекрасно знает путь во дворец.

По мере приближения к зданию самого известного парижского музея пришлось признать: город очень мало походил на французскую столицу, привычную по разведывательной и дипломатической службе. Вообще, развивающееся вокруг действо по-прежнему напоминало дурной сон. По дороге то и дело попадались кучки людей, остервенело тыкающих друг в друга шпагами. Рука мимо воли стиснула рукоять (у меня тоже есть шпага? интересно, пользоваться-то ей как?), уши ловили крики, вопли, звон стали, стук подков, а уж какие запахи били по ноздрям...

У моста через Сену крепкие руки двух господ ухватили Матильду под уздцы.

– Еще один гугенот! – воскликнула фигура в черном и с полумаской на лице.

– Закажем потом заупокойную мессу на всех! – хохотнул второй.

– Месса будет кстати, – услышал я голос и не сразу понял, что он исходит из меня. – Грешен, господа, не был в храме с тех пор, как молился вместе с герцогом де Гизом.

Рука выписала крестное знамение, совсем не на православный манер.

– Простите великодушно, сударь! Вы на тот берег? Там небезопасно, пока не уничтожены последние еретики, – первый из собеседников выпустил повод.

– Чего мне бояться? Со мной Господь и верная шпага!

– Так обнажите шпагу во имя Господа, коль встретите гугенотов! – второй отцепился от Матильды и вежливо приподнял шляпу. Его лицо до усов также скрыла черная полумаска с прорезью для глаз.

Лувр, в точности такой, как на гравюрах в ранних изданиях Дюма, без стеклянной пирамиды и рекламных постеров, встретил меня россыпью огней. Механически прыгая вверх по ступеням к покоям Генриха Анжу, я столь же машинально отвечал на приветствия дворян, очевидно, знавших меня не первый день. Наконец, услышал голос брата короля:

– Где тебя носит, де Бюсси?.. Маркиз де Ренель еще жив?

Кланяясь принцу, едва сдержал удивленный возглас. Я – де Бюсси д'Амбуаз?.. Надо же! Тот самый персонаж Александра Дюма, воплощенный Домогоаровым в российском сериале «Графиня де Монсоро».

Впрочем, сон разыгрывался по совершенно иному плану, нежели роман или телепостановка. С группой католиков я прикончил двоюродного дядюшку, известного гугенота, питая надежду, что получу его земли в награду, а с ними если не маркизат, то хотя бы графский титул.

Сон становился все более реальным. Видения убийства де Ренеля жгли еще очень долго... Пусть это преступление задумали де Бюсси и Генрих Анжуйский задолго до моего перемещения, я вполне мог воспротивиться, но нет – смотрел увлекательный сон широко открытыми глазами, пока Картаньес не всадил маркизу кинжал под нижнюю челюсть, и теплые капли брызнули мне на лицо... С этой минуты происходящее больше не казалось сном.

Где-то в эту эпоху, точно не помню когда, родился Рене Декарт, чтобы произнести свое знаменитое *Cogito, ergo sum* – мыслю, следовательно, существую, прославившись поиском высшего абсолютного знания в самосознании человека. Весь мир дан мне в моих ощущениях, в ровно той же степени он материален, насколько я его ощущаю, уверял Декарт. Объективная реальность дана нам в ощущениях, вторил ему Владимир Ильич, и Октябрьская революция подарила россиянам самые незабываемые ощущения.

Проходили дни, за ними – месяцы. Я все больше чувствовал себя человеком шестнадцатого века. Сном, давно закончившимся, стала предыдущая жизнь. Нынешняя среди людей, ранее существовавших для меня только в качестве персонажей исторических романов, захватила целиком.

Постепенно растворились иллюзии. Конечно, для дворянства честь – не пустой звук. Но и не настолько святая, как это описывалось в романах, прагматизм все чаще брал верх.

Каким-то невероятным образом во мне сохранились память и навыки прежнего де Бюсси, включая владение шпагой, кинжалом и пистолетом. А еще – странная, одновременно возвышенная и плотская тяга к ветреной Марго, жене Генриха Наваррского... Без какой-либо взаимности, отчего я был рад покинуть Париж в свите Генриха Анжу.

Человек – существо, ко всему привыкающее изумительно быстро. Ночная ваза вместо ватерклозета ничуть не хуже, если слуга моментально ее унесет, а не оставит благоухать. К чулкам, колетам и кружевным манжетам скоро приспособливаешься, тем более что тело «помнит» их, а эти предметы гардероба отнюдь не являются признаками принадлежности к меньшинствам, здесь подобным образом были одеты и натуралы, и противоположность, и любители забав на два фронта. Ботфорты на мягкой подошве и без каблуков менее удобны, чем берцы или кроссовки, но не настолько, чтобы делать из этого проблему.

Конечно, есть еще запахи, гигиена, правильнее сказать – отсутствие гигиены, с этим прискорбным обстоятельством я пытался бороться, и Жак изумился, отчего после Варфоломеевской ночи господин надумал менять белье и мыться каждую неделю, словно не в силах смыть с себя следы той резни. С чем-то пришлось смириться – с вонью большого города, с насекомыми, с невымытыми руками поваров и шастающими по улицам крысами.

Окружающий мир более чем реален. Совершенно реальной стала моя квартирка на втором этаже в доме по улице Антуаз, темноватая, но просторная и добротнo обставленная, внизу было предусмотрено стойло с коновязью и, главное, с крепкими запорами на воротах – лошадей здесь крали так, будто половина Парижа населена цыганами. В прошлой жизни неоднократно и целыми месяцами приходилось существовать в куда менее приятных условиях.

Гораздо больше, чем бытовые мелочи, меня занимали другие вопросы – зачем я здесь? И что же мне дальше делать?

Мои родители, правоверные коммунисты советского образца, воспитали меня в атеистическом духе, и лишь много позже в душу закрались сомнения. Я покрестился тайком еще до

распада СССР, во время краткой командировки в Ярославль, задолго до Чечни и до французской эпопеи.

Верую ли? Не знаю. Но убедился, что все в жизни неспроста. Если меня вдруг закинуло в прошлое, в этом присутствовал какой-то резон. Батюшка в церкви сказал бы – божий промысел. И определенный смысл сокрыт в моем существовании здесь, а не просто в выживании, надо только его отыскать.

Я чувствовал себя агентом-нелегалом, внедренным под надежным прикрытием во враждебную страну, хоть до появления блока НАТО и даже наполеоновских войн пройдут столетия. Может, достойным поприщем станет перекройка истории, чтобы Россию (будущую) укрепить, ее потенциальных врагов ослабить? Но мне не дано знать, каких результатов добьюсь в двадцать первом веке, если на что-то повлияю в шестнадцатом, не запущу ли «эффект бабочки», предсказанный Реем Бредбери в знаменитом рассказе «И грянул гром». Например, вычислю предков Бонапарта и кастрирую его прапрапрадедушку во младенчестве... Но война 1812 года имела для России столько последствий, что уничтожь их – неизвестно что выйдет. В частности, отменится истребление польской оппозиции на западе Империи. Не сделай этого Александр I по горячим следам выступления шляхты на стороне Наполеона, следующие восстания поляков могли бы получиться намного успешнее, и к Первой мировой наша страна пришла бы слабее, без западных территорий. Или, воздержавшись от участия в разделе пирога под названием Речь Посполитая, русские могли освободить польские земли от германской и австрийской оккупации, обеспечив себя верным союзником. Облегчил бы такой поворот судьбу России – не знаю, самые верные союзники нет-нет да и воткнут нож в спину... В общем, в реформаторы истории я точно не годился.

Де Бюсси к Варфоломеевской ночи исполнилось всего двадцать три, мне в двадцать первом веке перевалило за пятьдесят. Но здесь продолжительность жизни меньше, не говоря о «естественной» смерти бретера – с клинком шпаги меж ребер.

От французского дворянина мне досталось отличное тело, довольно спортивное, тренированное упражнениями, фехтование, охота и верховая езда закалили его. Через мутноватое стекло зеркала, висящего в моей спальне, на меня по утрам глядел молодой человек с аристократически удлинённым лицом, впалыми щеками под довольно острыми скулами. Черная шевелюра и черные же усы составили контраст с белой, плохо загорающей кожей – тут приходилось носить широкополую шляпу, чтоб не покрыться пятнами на солнце, смягчающих мазей нет и в помине. Точнее, кое-какие предлагались, но ими я не рискнул бы лечить и копыта Матильды.

Бородку, делающую меня похожим на Мефистофеля, я немедленно удалил. Семейный выпуклый подбородок де Бюсси выглядел мужественнее без густой поросли. Узкая полоска-скобочка вдоль нижней челюсти его только подчеркнула. Начисто выбриваться каждое утро – выше моих сил, тем более цирюльные таланты Жака не вызвали у меня восторга.

Глаза тоже темные, им несложно придать романтическое, слегка загадочное выражение.

На меня засматривались девушки. И мужчины определенного склада – тоже. На мужчин мне плевать, а вот барышни... Прожив свыше пятидесяти лет, первое время было трудно обуздать чувства и мысли, а особенно скрыть их, облачившись в обтягивающие кавалерийские рейтузы, когда деликатная часть тела в присутствии очередной парижской модницы приходила в неистовство. Если в прежней жизни меня соблазняли полуобнаженные красотки или затянутые в откровенное прозрачное белье, в шестнадцатом веке я моментально подстроился под здешние реалии. Все женское закрыто огромным количеством ткани, поэтому декольте или случайно мелькнувшая из-под подола ножка в аккуратном французском башмачке вызывали больше эмоций, чем развязные танцы стриптизерш в ночном клубе на Монмартре.

Здесь запросто было подхватить туберкулез, парижане в XVI веке не знали, что некоторые его формы весьма заразны, «стыдной болезни» (сифилиса) привыкли не опасаться. На аль-

ковном поле боя дворянство веселилось напрапалую – с простолюдинками ради самого процесса и нехитрого, дарованного природой удовольствия, а с замужними дамами или вдовами дворянской крови – еще и для самолюбия. Чем более знатна женщина-трофей, тем больше уважения и зависти оседлавшему ее поклоннику. Высшим пилотажем считалось проникнуть в альков герцогини, и редкие счастливицы, сподобившиеся совершить этот подвиг, недолго держали язык за зубами, храня честь любовницы. Желание похвастаться брало верх над благоразумием.

Происхождение дамы совершенно не взволновало меня, когда я узнал о высокородности вдовы Чарторыйской. Эта женщина – королева во всех отношениях, независимо от титула и родословной...

Она беспокоилась без вестей от мужа, которого я пристрелил, не позволив даже умереть от шпаги дворянина. Врать не стоило, все скоро выплывет наружу. Единственный выход – полуправда.

– Боюсь, его ранение слишком тяжелое, чтобы выжить, прекрасная пани. Нападавших было около полусотни, нас гораздо меньше. Увы, я не мог действовать осторожно и не старался взять знатных противников в плен. Уцелел лишь Огинский, его я и шел проведать, когда встретил вас.

Женщина окаменела. Огромные глаза раскрылись еще шире. Как же, стоящий перед ней и отвешивающий учтивые реплики мужчина всего несколько часов назад убил ее супруга, а сейчас так спокойно об этом заговорил!

Более того, к бордовой коросте на моем плаще, быть может, примешалась и застывшая кровь Чарторыйского...

Позади вдовы послышался шум – там горестно вздохнула дородная дама отнюдь не юных лет в черном чепце. Утонув в глазах пани Эльжбеты, я проворонил сопровождающую, а та принялась свирепо квохтать по-польски. Если правильно истолковал ее слова, карга потребовала срочно убираться прочь от «французского дьявола».

– Сам вы дьявол или лишь его слуга... Не знаю. Но вы погубили меня! Независимо от того, что произошло... там... Даже если вы только оборонялись. Я вас проклинаяю! Ненавижу!

– Сделанного не вернуть! – я преклонил колено, словно в присутствии особы королевской крови. – Нам действительно выпал жребий защищаться или погибнуть. Перед вами я в неоплатном долгу, слово чести! Располагайте же мной. Примите мою защиту. Вы – молоды, прекрасны, заслуживаете достойного мужчины, который не будет рисковать попусту, из-за чего столь велик шанс остаться одной...

– Достойного? – она горестно усмехнулась и сделала повелительный жест сопровождающей толстухе не вмешиваться. – Муж мой – истинно достойный человек. Всегда платил по счетам. Поэтому после него мне остаются только громкий титул и непомерные долги, за которые заберут и поместья, и все, что на мне.

Рука безвольно описала в воздухе дугу. Наверно, долги действительно огромные, раз бриллиантовые подвески, серьги и кольцо поверх перчатки с крупным синим камнем – только малая толика средств, нужных для расплаты с кредиторами.

– Здесь я могу прийти на помощь.

– Погасите долги Чарторыйского? – безупречные губы сложились в подобие грустной улыбки. – Тем самым откупитесь за убийство?

– Наверно, я не настолько богат. Но подвигаюсь в свите короля, и в моих силах дать ему на подпись указ о замораживании взыскания долгов. По крайней мере, у вас не изымут поместья, часть доходов отдадите кредиторам, со временем погасите долг полностью.

– Матка Боска, как же вы наивны! И совсем не знаете Польшу. Едва переступив порог, намерены ломать законы, сложившиеся столетиями! Тем самым навлечете гнев магнатов на короля, прольется новая кровь... – Она кидала в меня слова, как дротики, и каждый находил

цель, а ее губы дрожали и самые прекрасные в мире глаза наливались слезами, я чувствовал полную беспомощность от невозможности что-то изменить, не сходя с места... – Нет, уж лучше отправлюсь на паперть или в монастырь. Прощайте! Бог вам судья.

Шорох юбок стих вдали. Глядя вслед, я был не в силах отвести глаза – серое дорожное платье не скрыло стройность фигуры, перетянутой корсетом до осиной тонкости талии. Наконец, ее силуэт заслонился массивным корпусом сопровождающей дамы.

Де Бюсси снискал славу дамского угодника и отважного любовника, я не посрамил репутацию, приняв эстафету. Отчего же две женщины, волнующие сердце куда сильнее, чем возбуждающие похоть, мне недоступны...

...И вдруг разведчик взял во мне верх над романтическим молодым дворянином. Ключевое наблюдение: красавица – в дорожном платье! Следовательно, приехала недавно и остановилась в доме бургомистра вместе с мужем, рассчитывая скоро покинуть временное пристанище, оттого не сменила гардероб. Так как радикальные взгляды Чарторыйского вряд ли представляли секрет, вот и всплыло вероятное объяснение неловкости Домбровского, он знал о присутствии четверых заговорщиков, об их отъезде в большой компании простолюдинов, вооруженных явно не для охоты на зверя, но пальцем не шевельнул.

Бургомистр – сам заговорщик или «моя хата с краю»?

Стоит рассказать Шико. Когда прибудет королевский поезд, в свите Генриха найдутся люди, способные проследить за скользким шляхтичем.

Беспокоило другое – уже на западных рубежах Речи Посполитой, похоже, нас ожидало больше интриг и заговоров, чем в самом Париже.

Глава третья

Открытие

– Пшепрашам, пан! Чего изволите?

Бургомистров слуга подкрался незаметно, пока я пребывал в столбняке – сначала от чар молодой вдовы, потом от нахлынувших подозрений. Пшепрашам (извините) – это обычное вежливое обращение в Речи Посполитой, поляки отнюдь не чувствуют себя кругом виноватыми, скорее – наоборот. Очнувшись, я попросил отвести меня к Огинскому.

Тот был плох. Остроконечная пуля, выточенная в одной из мастерских Сен-Дени под моим личным присмотром, пробила плечо навывлет, переломив ключицу.

Мысленно снял шляпу в знак уважения. Мужественный лях с такой-то раной часа три продержался в седле, правил одной рукой лошадь и даже поддерживал светскую беседу!

В носшибанул запах сивушного самогона, совершенно непривычный в эту эпоху – здесь предпочитали вино, пиво, брагу, но не крепкие напитки. Мое внимание привлек лекарь, обрабатывающий рану.

Конечно, людская была далека от стерильной чистоты операционной. И вряд ли тряпки, окружающие рану, подверглись кипячению. Но медикус что-то определенно знал о дезинфекции, в отличие от ксендза, норотившего сунуться как можно ближе к столу с разложенным телом шляхтича и пролечить пулевую дырку распятием.

Оба сошлись в неприязни ко мне.

– Вы – француз? Потрудитесь покинуть покой, пока я латаю следы вашей выходки.

Сварливый тон лекаря при поддержке священника немедленно пробудил у меня дух противоречия.

– Я не просто француз, а правая рука круля посполитого, панове. Этого бунтовщика я мог прикончить на месте и пощадил до суда, но могу исправить упущение. А также выяснить, кто в доме бургомистра защищает и покрывает заговорщика. И, стало быть, с ним заодно.

Лекарь помимо воли опустил глаза к моей руке, откинувшей полу плаща, обнажив эфес шпаги. Острая сталь вылетит из ножен и ужалит насмерть менее чем за удар сердца, быстрее, чем фитиль поджигает порох на полке мушкета. Распластанное тело, пробитое насквозь, лучше любых других свидетельств доказало – я не привык колебаться, если необходимо пустить оружие в дело.

– Что вам угодно, пан француз?

– Присмотреть, все ли сделано для врачевания арестанта. По меньшей мере он обязан дожить до прибытия круля Генриха. Далее – все в руках Божьих.

– Вы – гугенот? – вмешался святоша со своим, наверное, самым актуальным в эту минуту вопросом. Считал вредным для выздоровления доброго католика присутствие еретика? Получи сдачу той же монетой!

– Нет, панове! Упаси Господь! Ну а вы, святой отец? Вижу, в сутане, но вдруг в глубине души разделяете ереси Кальвина?

Он завохтал от возмущения, утратив дар членораздельной речи, а я продолжил закручивать гайки:

– Нам известно также, что объявленная веротерпимость в Речи Посполитой простирается неопозволительно далеко, до измены вере Христовой. Вы терпите не только кальвинистов, униатов и православных, но даже иудеев! А в Литве, говорят, и мечети есть?! Без попустительства римской церкви сие невозможно! Поэтому я повторяю вопрос, вы – еретик? Или сочувствуете еретикам? Или все же верны святой вере?

Рука потянула шпагу вверх, обнажив три вершка стали между гардой и ножами. Заподозривший в моей персоне французский вариант великого инквизитора, ксендз попятился к дальней стене, терзая пальцами крест, и истово залопотал:

– Как же, верен, сеньор, Господу Богу нашему Иисусу Христу и святой католической церкви...

– Вот и славно, что я сразу же нашел единомышленника. Не затруднит ли вас, святой отец, до приезда его королевского величества составить список дворян и видных горожан, не столь крепких в католической вере, как мы с вами? Вижу – согласны. Так приступите к богоугодному делу немедленно, а я сам прослежу за медикусом. Знаю, лекари слишком часто имеют дело со смертью и посланниками дьявола, являющимися за грешными душами, и порой сами не могут устоять перед соблазном.

С фанатиками – как с капризными детьми, чем пороть, проще переключить внимание на другую игрушку.

Ксендз с облегчением ретировался, а я предложил помощь эскулапу.

– Дуэльный опыт учит оказанию помощи, пан...

– Пан Ежи Чеховский, а вы, позвольте спросить...

– Луи де Клермон, сеньор де Бюсси д'Амбуаз.

Уставился на меня оценивающе, и он прав. Дворянский титул – ни в коей мере не свидетельство умения латать человеческие тела. Мой визави был худосочный, чернявый, горбоносый, с близко посаженными глазами, я бы скорее принял его за еврея, а не за поляка. Но в эту эпоху скрывать еврейское происхождение под фамилией из другой нации не практиковалось. Пусть так – Чеховский.

– Пуля прошла навывлет, сеньор де Бюсси. Но, как обычно случается, вырвала клочок из одежды, думаю – он застрял в ране. Если не вытащить, плечо раздуется, покраснеет, начнет смердеть, а пан Огинский умрет от горячки.

– Мне так и так умирать, – впервые подал голос пациент. – Оставь меня, лекарь. Не мучай напоследок!

– Не в правилах Чеховских бросать начатое на полпути. – В голосе медикуса послышался польский гонор, мол – не шляхта мы, но честь имеем. – Пан Огинский, выпейте моего зелья.

Он влил сивушную дрянь прямо в рот раненому, предусмотрительно зажав тому нос. Шляхтич попытался ухватиться здоровой рукой за склянку, задохнулся и вынужденно проглотил. Его, обессилевшего от потери крови, быстро победил алкоголь.

– Теперь привяжем руки и ноги к столу, – решил Чеховский. – А что, в Париже это не принято?

– Отчего же. Гуманнее, чем огреть по голове обухом топора.

Я не шутил – действительно слышал о такой анестезии.

Лекарь шустро опутал пострадавшего вожжами от гужевой упряжи, Огинский только пьяно промычал. Зафиксировав пациента, Чеховский смазал самогоном острый нож сапожного типа и точными движениями вскрыл плечо, словно разделявал моего пленника на мясо. Достаточно было прочистить рану примитивным зондом!

Убрав кровавые ошметки, наверно – от кафтана или камзола, медикус ловко сшил мышцы и дырищу на коже обычной суровой ниткой, тоже смоченной самогоном, кончик предусмотрительно вывел наружу. Пациент побледнел до синевы, в нормальных условиях ему бы можно помочь переливанием крови, но здесь ничего подобного еще не знали.

– Скажите, пан Чеховский, откуда у вас знание о целебных свойствах этого... гм... зелья?

– Русского хлебного вина? Его еще мой дед применял. У нас не найти, он из похода на московитов привез, со смоленской винокурни. Рану в походе промыть нечем было, вода кончилась, колодцы отравлены, вот он и промыл себе вином. И зажило, только след от бердыша дед до смерти носил. А кто не промыл, так и слегли в огневице, и померли многие.

Он быстро перекрестился, лишь на миг прервав шитье по живому, но я заметил – не очень-то лекарь религиозен. Самогонку, судя по сивушному амбре, ухитрился сам выгонять, дедова кончилась, а секреты приготовления хлебного вина – первача, настоящего на травах – не постиг. Но сам дошел до многого, чего наука шестнадцатого века не знает. Может быть полезен. Не ровен час, кто-то из наших будет лежать на столе с лишними дырками в теле.

– Понимаю... Что же ксендз у вас над душой висел?

– У ксендза своя правда – исповедовать и положиться на волю Господа. Мое врачевание он обзывает покусением на Божье провидение. Я в его глазах еретик, хоть и хожу в костел.

Можно попробовать объяснить ксендзу, что все в воле Божьей, и Господь позволяет врачевать, не обрушивая гром и молнии на голову лекаря, но этот спор повторялся миллион раз и бесполезен, потому что религия взывает к вере и чувствам, а не к фактам и логике. Мои же чувства говорили о другом – Чеховский первый человек в Польше, мне симпатичный. Не считая, само собой, новоиспеченную вдову, но к ней возник интерес в корне иного рода.

– Ежи, вы – дипломированный эскулап? Дворянин?

– Что вы, сеньор! Из мазовецких мещан. Учился как мог, практику имею в Лодзи...

– Но не жируете.

Он сконфузился. Черная куртка с когда-то бархатным, а сейчас просто вытертым итальянским воротником и бесформенный берет, напоминающий формой ночной колпак Генриха Анжу, никак не свидетельствовали о достатке.

– Скромно живу. Откладываю. Вот... Готово. Нужно будет лишь нитку удалить.

– И не женаты, полагаю, – я не отступился от своего.

Мужчине было лет тридцать. В тусклых усах виднелась седая нитка – и за эти тридцать лет хлебнул лиха.

– Нет, сеньор. Вот вернусь домой...

– Есть предложение лучше. Вступайте в свиту короля Генриха. Жалованье твердой французской монетой, а не польскими злотыми вас устроит? И пациентов с дырками вам обещаю для практики – не соскучитесь. Сегодняшний день тому подтверждение.

Чеховский задумчиво вытянул губы, вытирая руки от крови тряпицей.

– Французская служба... Пшепрашам, сеньор де Бюсси, меня наши превратно поймут.

– Польская служба, Ежи. Наш Генрих, не забывайте, приехал сюда на польский престол. И у него обязательство – отправлять посполитую молодежь на учебу в Париж. Вы, конечно, молодость миновали, но не бывает правил без исключений. Интересна вам парижская степень, не знаю, как ее называют, кажется – магистр медицины в Сорбонне?

У горбоносого отвалилась челюсть.

– Я, сын простого шорника, и вдруг парижский магистр медицины? – Чеховский изменился в лице. – Вы шутите, сеньор... Даже представить не мог...

– Вот и договорились. Как только в Лодзь поспеет королевский поезд, представлю вас при дворе. Но учтите, мон ами, простой службы не ждите. Нас пытались одолеть в открытом бою – не вышло. Что будет дальше? Выстрел исподтишка из мушкета или арбалета? Удар кинжалом в темном коридоре?

– Скорее – яды, – поделился он соображением.

Нашему Генриху, славному сыну Екатерины Медичи, не привыкать к существованию в обстановке, когда отравлено может быть все что угодно, и не спасет даже проба еды: лакей укусит яблоко, останется жив, а монарх покроется синюшными пятнами, потому что яд находился на другой стороне яблока.

– Ты умеешь распознавать яды? И находить противоядие?

– Не вшистка... Но те, что в ходу у наших – знаю. Да, разбираюсь и в противоядиях, помогу... если не будет слишком поздно.

– Договорились. Принимайтесь за дело немедленно, пан Чеховский. Тысяча двести персон – большая цифра, среди них будут и заболевшие в дороге. Готовьтесь к приему. Хотя, конечно, не всем нужно такое внимание, как королю, мне или Шико.

– Шико?

– Его на самом деле зовут Жан-Антуан д'Англере, прозвище Шико, что означает «обломок зуба», ему придумал наш славный Анжу. Шико – правая рука Генриха, придворный шут и мой друг. А еще – очень опасный человек. Врагов у него много, но долго они не живут.

– То есть при французском дворе те же нравы, что и у нас, – резюмировал мой новый наемник. – Интриги и внезапные смерти. Везде так?

– Не везде. В Антарктиде спокойнее, – рассеянно ответил ему и спохватился: – Это слишком далеко, не обращайтесь внимания и не стремитесь туда.

Оставив Чеховского, я снова отправился наверх, дабы принять участие в квартирньерских хлопотах. В голове переваривались впечатления от насыщенного дня.

Я прилично знал французскую историю, хуже, к стыду своему, русскую и совсем слабо польско-литвинскую. Вроде бы Генриху в Польше долго править не довелось, но почему именно – это уже за пределами обязательных знаний посольского атташе по культуре. Монарху предстоит вернуться в Париж и надеть на голову французскую корону под именем Генриха III, последнего в династии Валуа, а следующим на престоле будет восседать первый Бурбон, он пока еще только король Наварры.

В России, точнее – в Русском царстве, после смерти Ивана Грозного не останется престолонаследника, рулить державой примутся отец и сын Годуновы, за ними «царь Васька», то есть Василий Шуйский, чей талант государственного деятеля окажется на уровне Михаила Горбачева, то есть ниже плинтуса, что в обоих случаях неизбежно выливается в смуту. На волне преодоления смуты появляется первый Романов... Или Ельцин.

Ну а мне-то что было делать? История произошла, состоялась. Я как зритель на ретроспективном показе в кино, только фильм разворачивался куда реалистичнее, чем 5D, правдоподобный до удара копьем в брюхо. Осталось просто выживать, воевать, развлекаться, осеменять, напиваться? Во французском и русском много глаголов, ни один из них не дал мне смысла существования. Разве что удавиться, тем самым это бесполезное существование прекратить.

Каюсь – за время вынужденной командировки в прошлое так и не отыскал смысл этого чуда, все больше склоняясь к мысли, что перемещение произошло совершенно спонтанно, и мирозданию абсолютно безразлично, какие дела я здесь натворю, сражаясь за место под солнцем.

Стоит позавидовать Шико, всегда энергичному и не унывающему. Он намекнул бургомистру организовать для нас ужин и присутствовать на нем вместе с супругой и дочками. Дочери, кстати, вполне ничего, особенно старшая, созревшая, хоть и не ровня Чарторыйской. За столом мой друг отпускал шуточки, для польской знати довольно обидные – как пань мнят себя наследниками ягеллонской рыцарской славы, а сами отдали уже москвитам восточные земли Великого княжества. Там, глядишь, и в коронных землях московские стрельцы объявятся.

Разговор окончательно вылился в опасное русло, и я поспешил перевести речь на Таргарию, как здесь принято называть Русское царство.

– Иван Четвертый дальновиден тем, что присоединяет земли, с центральными княжествами граничащие, позже и за каменный пояс – за Урал пойдет. У русских много земли, в том их сила. Европа же давно поделена вся, и новые владения за западным океаном трудно удержать. Испанцы, португальцы, голландцы начинают на этом зубы обламывать, потом придет и черед Франции.

Закончив глубокомысленную тираду, отрезал кусок восхитительного оленьего филе. Пища здесь натуральная, оттого вкусна до невозможности и на время отвлекала от раздумий о бессмысленности бытия.

Де Бреньи отрешенно обгладывал ребрышки, поляки смотрели на меня, как деревенщина на приезжего горожанина, вещающего о материях, ранее им недоступных, а Шико швырнул нож с куском мяса на конце и прогнусавил своим мерзким гасконским говорком:

– Дружище, тебе голову не надуло? Какие еще, к дьяволу, владения за западным океаном?! Кто пробовал плыть – ни один не вернулся. Там же провал в геенну огненную!

Прожаренная оленина застряла в горле. Ермак Тимофеевич в поход, наверно, еще не отправился, Сибирь пока не русская, даты плохо помню... Но Колумб достиг Америки в 1492 году, восемьдесят с лишним лет назад, это учил наизусть каждый советский школьник! А где-то лет пятьдесят назад состоялось путешествие Магеллана... Доказали уже – Земля круглая. Как же Шико не знает, уж он-то человек образованный по местным меркам?! Но несет чушь о каком-то провале...

Так, спокойно! С кем я обсуждал в Париже что-либо о Новом Свете? Черт, ни с кем! Слышал ли разговоры о мореплавателях? Конечно, тысячу раз слышал – о каботажном сообщении у берегов Европы и в Средиземноморье, о пути в Индию и Китай вокруг Африки. А о западных материках – ни слова.

Стыдно... Еще называется – разведчик. Я полтора года не замечал чрезвычайно важный факт! Сейчас, ударившись лбом в очевидность, не посмел в него поверить.

Почувствовал, что меня охватывает озноб, по телу струится холодный пот, разнервничался больше, чем в драке против отряда Чарторыйского. Чеховский, устроенный за столом сбоку, в стороне от наших высокопоставленных тел, тревожно присматривался – уж не отравлен ли я в первый же вечер, о чем судачили с ним буквально час назад.

Хуже, чем отравлен – я раздавлен! Опрокинул в себя залпом кислое вино и спешно уединился в отведенной мне комнате, отказавшись от помощи Жака в избавлении от одежды.

Итак, Америка не открыта. В общем-то, дьявол ее задери, эту Америку, да простят меня патриоты США из далекого теперь будущего. Нарисовалась проблема похлеще.

Выходит, вся мировая история – ошибочна, Великие географические открытия совершены позже? Нет, абсолютно невозможно, слишком много сохранилось свидетельств, это в античности или в Каролингах-Меровингах историки могли лет на сто промахнуться...

Есть еще отличия? Конечно! Вроде бы мелкие, малозаметные, их можно списать на мое недостаточно глубокое знание этой эпохи до провала в Варфоломеевскую ночь, или... Ну вот, например, Генрих Наваррский произвел сильное впечатление, но он совсем не похож ни внешне, ни манерой поведения на известного мне по книгам исторического деятеля, я уж молчу о персонаже из романов и кинофильмов.

Но это все не то, мелочи по сравнению с неоткрытием Америки...

Устало посмотрел на колеблющееся пламя единственной свечи. Надо быть честным с самим собой, глянуть правде в глаза, пусть главное событие этого вечера оказалось еще более ошеломляющим, чем осознание полтора года назад, что я заброшен в прошлое.

Здесь есть Франция, Англия, Речь Посполитая и Русское царство. Есть Генрих Валуа, герцог де Гиз, семейство Медичи и даже граф де Монсоро, чья миловидная жена мне обещана в возлюбленные фантазией Александра Дюма. Правда, граф еще не женат.

Но это не прошлое человечества, того человечества, оторванной частью которого я был, ввалившись в совершенно другой, пусть и во многих деталях чрезвычайно похожий мир.

Значит, здесь еще не predeterminedены вехи будущей истории: польское нашествие в Москву и воцарение Лжедмитрия.

Даже нет гарантии, что Генрих Наваррский станет королем Генрихом IV и погибнет от руки подлого убийцы.

И не факт, что меня зарежут как свинью слуги ревнивого де Монсоро, хоть осторожность не помешает.

Надо еще отправить за вином... Ужас вдруг сменился облегчением: на меня больше не давят столетия свершившегося, еще ничего не произошло! А то, что произойдет – в моих руках. И к черту сомнения!

Жизнь, наконец, обрела смысл: в противостоянии Руси и Польши не выявлен победитель, Речь Посполитая остается главным врагом и соперником русских. Но человек, именующий меня своим другом, в ближайшие месяцы украсит голову польской короной, и в моих силах повлиять, чтобы политика Кракова не нанесла ущерба Москве в самый уязвимый для нашей истории период. Если у моего вояжа в этот мир и в эту эпоху есть высший смысл, то он мне открылся поздно вечером в Лодзи 31 января 1574 года.

...Я скукожился под одеялом, долго не мог уснуть: кажется, что с безмолвным упреком из темноты на меня смотрели прекрасные и печальные очи молодой вдовы, словно вопрошая, каких еще дров мне предстоит наломать.

Глава четвертая

Первый королевский бал

– Я начинаю ненавидеть все, что меня здесь окружает! – повторял король Генрих, страдальчески обводя взглядом убранство августейших покоев.

Вавель, королевский замок в Кракове, как и королевский двор вообще, произвел на нашего Анжу отталкивающее впечатление, рассчитывавшего узреть здесь подобие Лувра, пусть несколько провинциальное. Возможно, обновленный дворец, многократно перестроенный в более поздние века, пришелся бы монарху по душе, но сейчас это было преимущественно крепостное сооружение с мощными стенами, как наружными, так и у внутренних строений, оттого Вавель тесноват для пышной жизни, напоминающей парижскую. Доброго слова нового владельца удостоилась лишь канализация, успешно выводившая нечистоты в Вислу. Увы, не проникнешься же привязанностью к жилищу из-за одного только удобства отхожих мест!

– Клянусь Создателем, друзья мои, здесь невыносимо оставаться даже месяц! А меня хотят замуровать в этом захолустье на долгие годы. . .

Он вертелся перед зеркалом в королевских апартаментах на втором этаже дворца, окруженный слугами и похожий на корабль, который команда готовила в ответственное плавание. Парчовый костюм Генриха с огромным воротником, соперничающим белизной с трикотажными чулками, был обсыпан золотом и бриллиантами до такой степени, что, кажется, танцевать в нем получится не ловчее, чем в рыцарских доспехах. Золотое шитье сверкало и на берете, и на перчатках, и на коротком плащике. Башмачки сияли золотыми пряжками, каждое ухо отягощалось тремя драгоценными серьгами. Бородка скобочкой вокруг челюсти была тщательно расчесана, усы уложены, весь облик воплощал собой некое картинное совершенство.

Наш король, бесспорно, красив, у него прекрасная фигура, аристократическое лицо с французской утонченностью и итальянской страстностью. Но, на мой взгляд, его внешность была слишком ухоженная, чересчур слащавая и чрезвычайно женственная. Вряд ли кто поверит, что Анжу – неплохой военный, хоть это он и доказал нам под Ля-Рошелью. Из физических своих качеств Генрих продемонстрировал полякам только одно – умение держаться в седле, ибо устраивал охоты от Лодзи до Кракова, где позволяли условия, и в охоте был весьма успешен.

Небольшое, в общем-то, расстояние королевский поезд преодолевал недели две, охоту на крупную лесную дичь монарх чередовал с охотой на дичь домашнюю: на вдовушек и просто замужних панночек нестрогого поведения, очарованных французским шиком.

Первый бал в Вавеле считался даже более важным, чем прием новых подданных перед коронацией: на балу соберется практически весь цвет польской и литовской знати, Генрих обязан их очаровать. А еще он впервые встретится со своей нареченной невестой.

Де Келюс с поклоном протянул последний аксессуар – шпагу с огромным сапфиром в рукояти, наш суверен в это время был занят подведением губ, он обожал видеть их в зеркале рубиново-красными.

– Шико! Признайся, ты видел эту. . .

– Анну Ягеллонку, ваше величество, – подсказал мой друг, соблюдая церемониальную почтительность в обществе кучки дворян, удостоенных чести присутствовать при облачении монарха, в том числе – не только называемых его друзьями, а также целого выводка слуг. Лицо у Шико бесстрастно, смеялись лишь уголки глаз. – Говорят, чрезвычайно достойная и целомудренная пани.

– Что говорят, я слышал и сам. На портрете – писаная красавица, а тебе как она глянулась?

– На любителя, сир.

– Понятно. То есть я вряд ли окажусь любителем этих старых костей.

– Но вам даже не обязательно делить с ней ложе и плодить наследников, все равно следующим польским королем будет избранный Сеймом, а не ваш сын.

Удовлетворившись отражением в зеркале, король бросил краткую реплику «для глуши – сойдет» и направился к лестнице вниз, ведущей в бальный зал, мы вместе с Шико и де Келюсом пристроились позади. Они были разодеты как павлины, чуть-чуть уступая в пышности оперения монарху, чтоб не вызвать его ревности. Я же остался в привычном коричнево-черном колете и в черных с серебром штанах (шоссах), заправленных в высокие сапоги. Перещеголять короля и его ближайшее окружение мне не по средствам, поэтому еще прежний де Бюсси принял линию выделяться непохожестью, а любой, кто думал что-то обронить по поводу строгого платья, обычно замечал руку в перчатке у эфеса шпаги и старался шутить про себя.

– Его величество круль Речи Посполитой Хенрик Валезы!

Я отчетливо увидел гримасу на лице Шико: он упустил нечто важное, не предупредил церемониймейстера, что нашего государя до коронации неуместно представлять королевским титулом. И уж точно надо было уговорить монарха оттянуть бал до официального возложения короны на голову, что стоило подождать считанные дни, тем самым избежать двусмысленности ситуации... Генриха же взволновало другое, он обернулся к нам и прошептал, а лицо буквально перекошилось от гнева:

– Что за дьявольщина?! Это я – король, а не какой-то там Валеза! У них всплыл очередной разговор?!

– Вы и есть Хенрик Валеза, это ваше имя на польский манер! – я попытался сдержать нервный смех, потому что уже как-то пробовал ему втолковать про обязанность монарха понимать польский язык, принять местные обычаи, одеваться по моде магнатов и смириться с именованьем «Хенрик Валезы». Он даже свое имя по-польски пропустил мимо ушей и считал, что проще всю Речь Посполитую переучить и переключить на французский лад, чем самому вызубрить хотя бы две сотни слов местного языка.

– Мерде! – совсем не по-королевски ругнулся он, но очень тихо, затем надел самую ослепительную улыбку и обратился к подданным сияющее лицо, будто таял от удовольствия видеть их всех в Вавеле.

Справа и слева от нас сгрудилась королевская свита, привезенная из Парижа, она подражала Генриху в следовании моде, я – единственный, которому монарх позволил плевать на нее. Мужчины щеголяли в пурпуэнах – коротких куртках на каркасе из конского волоса, с гофрированными воротниками величиной с мельничный жернов, и с куцыми плащиками за спиной. Забавные верхние штанишки ярких цветов, раздутые ватным подбоем, формой напоминали женские. Они перетягивались шнурами на уровне середины бедра, ниже ноги были прикрыты только чулками ба-де-шосс, стеганными на вате, отчего икры тоже смотрелись округло и женственно.

В придворной толпе преобладали попугаисто-кричащие расцветки, скромнее и в темное облачались только кальвинисты, которых, по понятным причинам, всего пара человек и не в ближайшем окружении короля. Их соседство бросало тень на меня, также строго одетого, за что неизбежно получал косые взгляды с подозрением в принадлежности к гугенотам.

Французские придворные дамы воевали с мужчинами на всех фронтах, стремясь к еще более объемным и вычурным нарядам, нижние юбки распирались обручами, рукава верхнего платья надувались до формы буфа, из-под них виднелись покрытые разрезами рукава нижнего платья. Очень глубокие декольте внушали желание заглянуть еще глубже в розовые дебри, а также опасение, что груди вырвутся на свободу из слишком низкой шнуровки лифа. Это прекрасно, если бы не изобилие всяких рюшечек и прочих крупных деталей, скрывавших женскую фигуру или делавших ее непропорциональной. Тем более в моду еще не вошел каблук, визуальное удлиняющий ноги.

Все это вместе напоминало мазню сумасшедшего, но очень веселого художника и произвело на поляков ошеломляющее впечатление, судя по их широко раскрытым глазам, эффект не испортило даже темное пятно моей фигуры, неотступно шагающей за королем.

Он важно прошествовал через зал, и я поразился его выдержке, когда после представленных ему многочисленных магнатов – Радзивиллов, Потоцких, Броницких, Понятовских, Острожских, архиепископа, епископов, других вельмож поменьше рангом и всяких иностранных господ, коих в Вавеле набилось как селедка в бочке, Ян Замойский торжественно подвел под высочайшие очи Генриха его будущую супругу.

Глядя на старую деву, почти на три десятка лет старше суженого, я попытался вспомнить автора выражения «молодая была не молода» и расстроился. С каждым месяцем, проведенным в шестнадцатом веке, я все меньше и все реже обращался к веку двадцать первому, прочитанным книгам, просмотренным фильмам. Впечатления полувековой предшествующей жизни стирались, оставалась одна реальность, где я – де Бюсси д'Амбуаз. Но все же цеплялся за прежнюю личность, за свое предназначение – что-то изменить в пользу Руси, и тут произошло нечто, от высоких, философских и стратегических мыслей решительно отвлекающее. Один из Радзивиллов сопровождал вдову Чарторыйскую.

На фоне других польских дам, жадно и завистливо пожирающих глазами парижанок, сами они были обряжены архаично, в лучшем случае по итальянской моде середины века – гораздо строже и с преобладанием темных цветов, Эльжбета выделялась чрезвычайно. Ее угольно-черное атласное платье безукоризненного парижского кроя с прорезными рукавами свидетельствовало о безупречном чувстве стиля, без финтифлюшных излишеств, декольте открыло верх небольшой груди. Темные волны на голове были уложены в замысловатую прическу, в волосы вплетена черная траурная лента... Разрази меня гром, ни во французском королевстве, ни в Речи Посполитой, ни в землях германских княжеств я не видел женщин, кому черное так шло бы к лицу, притягивало, возбуждало, а не призывало за компанию скорбеть!

И словно в насмешку над скульптурным совершенством Чарторыйской шаловливая рука Создателя рассыпала по ее левой груди пригоршню крошечных родинок. Впрочем, совершенство – дело вкуса. Породистая знать Западной Европы – длиннолицая, включая мои мордасы, у Эльжбеты мягкий овал и чуть выдающиеся скулы, видно, какой-то восточный кочевник отметил у ее прапрабабушки. Как по мне, отступления от европейского канона ее совершенно не портили, а что подумали другие, мне плевать...

– Готов побиться об заклад и поставить на кон свою шпагу, наш Хенрик совсем не противился бы царствовать в Кракове, предложи ему в жены не старую деву, а эту вдовушку. Пользованную, конечно, но все равно гораздо свежее, – прошептал Шико. Из-за тесноты зала мы стояли близко к польским дворянам, и нестандартная красота Эльжбеты не могла быть незамеченной дамским угодником. – Я сочувствую королю... Впрочем, он живет по принципу – одно другому не мешает.

На меня накатила такая волна, словно ошпарили кипятком, а потом бросили в снег. Чарторыйскую, этого ангела, воспитанного в католической строгости вдали от развращающего парижского духа, отдать в похотливые объятия Генриха? Ну нет... От одной этой мысли коржило! Мы с Шико и де Келюсом всегда относились снисходительно к забавам Анжу, порой даже способствовали, чтобы сладострастные молодые дворянки или симпатичные мадемуазели из полусвета попадали в спальню не к кому-нибудь, а герцогу Анжуйскому, родному брату короля Франции и первому красавцу Парижа. Но при этом никогда сами не завязывали интрижек с дамами, им отведенными. Генрих с юности маялся дурной болезнью с язвочками на деликатном месте и, вероятно, наградил ей уже многих подружек.

Эта хворь, как мне поведал Чеховский, здесь на востоке Европы именуется «французской болезнью». Окружение Генриха, где часто страдают за грехи неразборчивых связей, неизбежно познакомит с французским недугом многих жителей и гостей Кракова. Пусть! Но мне была

совершенно непереносима мысль, что король наградит заразой и Чарторыйскую, оставшуюся без защиты и покровительства, когда я пристрелил ее мужа!

Или ее приняли под крыло Радзивиллы? Но тогда бы увезли бы в свои имения в Литву, подальше от глаз короля и его свиты! Их демонстративное явление на балу непременно преследовало особую цель, но какую?

Пока Генрих раскланивался со своей невестой, она – в самом деле хороша... но лет тридцать назад, я отступил в задние ряды. Обшарил глазами, кого можно привлечь для деликатной миссии. За полтора года пребывания при дворе так и не нашлось никого из французов, достойного безраздельного доверия. Все мои навыки по вербовке агентуры в нужном окружении разбились, как прибой о скалу.

– Ежи!

Польский медикус спрятался за спинами лакеев, слишком жалкий для королевского бала. Его возвышение и пребывание в Кракове произошло лишь благодаря мне. Конечно, нельзя быть уверенным, к кому он более лоялен – к новому хозяину или соотечественникам, но иной кандидатуры я не видел. Надо бы срочно перелицевать на его рост что-то из моего гардероба или даже выпросить у низкого де Келюса...

– Да, сеньор?

– Есть тайное поручение. Видишь вдову Чарторыйскую в черном?

– О, пани Чарторыйскую знают все...

– Потом мне расскажешь, что «все» о ней знают. Срочно добудь мне перо и чернила, передашь ей записку.

Он замялся в нерешительности, вызвав во мне крайнее раздражение.

– За ней следят... И родня убитого мужа, здесь у них дворец в Кракове, и Радзивиллы.

– Потому и зываю к тебе! – я едва удержался, чтоб не обозвать его олухом, поляки – народ вспыльчивый, заносчивый и злопамятный, не стоило усугублять, будучи зависимым от его действий в ближайшие полчаса. – Ты же – врач! У врачей совсем другие резоны.

– Верно говорите, сеньор. Я осматривал тело ее бедного супруга. И именно я ей сказал, что он убит пулей, а не шпагой...

И в чем разница? Ну, застрелен в бою. Да хоть пирогом подавился! Я совершенно не чувствовал, что прожил в двух мирах уже более полувека, во мне все бурлило, как у двадцатичетырехлетнего, собственно, де Бюсси был именно этого возраста, оттого проистекала моя гормональная горячность и несдержанность, а в поступках сквозило куда больше молодого безрассудства, нежели мудрости.

– Значит, у тебя есть минимум одна тема для разговора. Помни, никто не должен увидеть передачу письма! Не дворянин имеет право целовать руку ясновельможной пани?

– Не принято... Но и ничего предосудительного.

– Ну так целуй! И незаметно сунь ей бумагу в рукав.

Пока я увещевал эскулапа, без страха разбирающего и собирающего тела живых людей, но трепещущего от несложного задания вне врачебных дел, в зале произошли кое-какие перемены. Как только я возвратился к королю, Шико вывалил на меня новость:

– Луи! У нас беда. Генрих, похоже, решил уклониться от женитьбы на Ягеллонке.

– Он же не должен был делать ей предложения на балу!

– Но от него ожидали, по крайней мере, какого-то знака, намеков, разговоров о грядущих переменах, желании наследника фамилии польской крови, он же, выдержав ровно столько, чтоб не казаться неучтивым, бросился знакомиться с кавалькадой юношей из приднепровских земель, что клюнули на обещание учить их в Париже. Клянусь всеми святыми, кто-то непременно возьмется злословить, что Генрих предпочитает мальчиков девочкам.

Похоже, Шико был прав. Я перехватил гневный взор великого коронного маршалка Яна Фирлея, убежденного кальвиниста, у которого мы останавливались в Балицах ненадолго по

пути в Краков. Маршалок закатил пир в честь августейшего гостя, затем приставал к пребывавшему в застольном благодушии Генриху с вопросами о веротерпимости, тот икал, кивал и соглашался. Сейчас пожилой воин понял цену монарших обещаний и, очевидно, сделал простой вывод: если клятву жениться на предложенной польской невесте Анжу нарушил столь легко, что же будет, если дело дойдет до серьезных политических обязательств? Недовольство пана Фирлея лучше не игнорировать, маршалок в Речи Посполитой примерно равен генералу во Франции, а великий коронный – это практически маршал.

Начались танцы, в зале по-прежнему было слишком тесно для такого скопления знати, слуг и музыкантов, воздух стал спертым от пламени тысяч свечей в сотнях канделябров, а окна не открыть из-за февральского мороза. Король задавал тон, демонстрируя утонченную грацию движений, поляки неуклюже пытались подражать, увы – без видимого успеха, многие танцевальные шаги они узрели впервые.

Наконец, наступил скандальный апофеоз. Генрих пригласил Эльжбету. Для этого он выбрал танец гальярда, известный уже лет сто. Партнеры прикасаются друг к другу лишь кончиками пальцев, но движения до того эротичны, до того вызывающи, до того откровенно намекают на продолжение прикосновений не только кончиками и не только пальцев, что, кажется, между мужчиной и женщиной проскакивают искры.

Король – сама галантность. Он принялся обхаживать даму, начав с полупоклона и продолжая демонстрировать свою отточенную танцевальную технику: гальярдные шаги, мелкие вариации движений, всякие саффиче, скорси, батутти... Чарторыйская сдержанно принимала знаки внимания. На лице играла задумчивая и чуть мечтательная полуулыбка. Несмотря на черные вдовьи цвета, она ничуть не напоминала безутешную в трауре.

Но скандальность даже не в этом. На единственно свободное место в зале, где народ расступился, давая пространство монарху, вышла вторая пара – Шико пригласил Анну Ягеллонку. Какое-то время звучала только музыка, под нее – легкие шаги танцоров. Польское дворянство было не в силах поверить увиденному: король оставил выбранную ему невесту и открыто флиртует с прекрасной вдовой, стало быть – первой кандидаткой в фаворитки-любовницы! Усугубляя ситуацию, суженую издевательски вывел в круг королевский шут, пародируя танец, который должен был состояться у Анны и Генриха! Бедная, покрасневшая от стыда дева Ягеллонка не имела никакой возможности увильнуть.

Де Келюс хихикнул и закрыл лицо ладонью, будто почесал нос, не желая, чтобы его веселье приняли за оскорбление. С польской стороны постепенно нарастал возмущенный ропот. Какой позор... Какое уничижение!

Никто еще не осмеливался протестовать в открытую. Пока не осмеливался.

Глава пятая

Встреча

Шанс устроить тет-а-тет с прекрасной Эльжбетой выдался только после полуночи.

Генрих закатил пир. Застольные возлияния несколько сгладили неприятный эффект от танца двух пар; Чарторыйская исчезла из зала, не давая нашему сластолюбцу возможность ее преследовать, мужская половина польских гостей задумалась, пусть не сразу, каково им самим было бы идти под венец с женщиной старше родной матери.

Впрочем, за длинным столом я не увидел дюжину важных фигур, в том числе Яна Фирлея и нескольких магнатов, включая радзивилловское семейство. Это – прямой вызов будущему королю, практически вотум недоверия, я же кусал локти с досады в уверенности, что магнаты увели и свою подопечную, маневр с письмом бесславно провалился.

Кто способен держаться на ногах после выпитого, снова поспешил в балльный зал, там гремели быстрые итальянские и испанские мелодии, исполнялись настолько разнузданные танцы, что кавалеру было дозволено на миг прикоснуться к дамской талии... Чего только не случается подшофе!

Анжу возглавил гуляния, у него была отменно крепкая, устойчивая к выпивке голова. Я понадеялся, от шока после глумления над Анной у поляков скоро не останется ни следа. Всех очаровал монарх, его манеры, грация, доброжелательность. Его шуткам смеялись все, даже ни слова не понимавшие по-французски.

– Извольте пройти со мной, сеньор де Бюсси! – вдруг прошептал мой доктор с хитрым лицом опытной сводни. Он всплыл так внезапно, что рука дернулась к кинжалу, и эскулап едва сам не стал пациентом. – Ожидайте в южной галерее около третьей ниши от входа.

С неудовольствием заметил, насколько галереи и переходы Вавеля плохо подходят для тайных свиданий. Замок старый уже в конце XVI века, много раз переносил пожары и перестраивался, неизбежно здесь устроены тайные ходы, секретные ниши, трубы звуководов для подслушивания и скрытые щели для подглядывания; польская обслуга не торопилась делиться знаниями с чужаками.

Вот и указанная Чеховским ниша была хороша только для арбалетного обстрела площади перед замком, если открыть окно. Галерея освещалась редкими факелами, закоптившими сводчатый потолок над ними, и я понятия не имел, кто прячется в четвертой или следующей нише, а выяснить не успел.

– Вы слишком невоздержанны на язык, граф! – визгливый голос коротышки де Келюса приблизился с противоположной стороны. – Я вынужден просить у вас удовлетворения. Защищайтесь!

Выглянув из ниши, едва сдержал стон досады. Соперник де Келюса граф д'Ареньи владел шпагой хуже, но выполнял очень важную миссию при дворе. В его ведении находились портные и башмачники. Культурный шок краковского дворянства при виде французских нарядов повлек массу заказов прямо на балу, а наши мастера были обязаны в первую очередь обслуживать короля и его ближних. Если это дело не удержать в узде, и здесь все пойдет кувырком. За Ягеллонку поляки обижались из национальной солидарности, однако вопросы гардероба касались их лично и задевали весьма чувствительно. Единственный выход – обучать местных мастеров, что без д'Ареньи превратится в проблему.

Выскочив из ниши как чертик из табакерки, я стал между дуэлянтами.

– Друзья! Понимаю ваши претензии и разделяю возмущение, но прошу внять голосу разума. Поляки только прикидываются агнцами, половина из них жаждет нашей крови. Каждая шпага на счету, каждый, умеющий ее держать, нужен Генриху. Давайте же отложим дуэль, пока не вернемся в цивилизацию. Граф! Если кто-то из вас победит и ранит, хуже того – заколет

соперника, я вызываю победителя на дуэль, чтоб раз и навсегда прекратить поединки между французами в Кракове.

Д'Ареньи крякнул с деланным возмущением, но на самом деле был польщен обращением к нему, будто я считал его победу более вероятной. Осталось нейтрализовать де Келюса.

– Мон ами! Взываю как к другу с просьбой отложить дуэль... ну хотя бы до утра. Ваша помощь мне необходима прямо сейчас в одном деле весьма щекотливого свойства. Оно связано с честью дамы.

Не исключаю, они еще сцепятся, но начальник портных покинул галерею, неубедительно разыгрывая разочарование от упущенной возможности проучить соперника, на самом деле – облегченно перевел дух. Мы с де Келюсом общарили ниши, и он перекрыл дальний от меня выход из галереи, со спины довольно смешной в раздутых коротких шелковых штанишках в вертикальную полоску. Конечно, для этих времен он был одет вполне уместно.

Теперь я если и не обезопасился, то хоть несколько снизил вероятность подслушивания.

Наконец, свет факела отразился на блестящем черном бархате пышной юбки. Я отправил Чеховского стеречь другой вход.

Поверх платья Чарторийская набросила темную накидку с капюшоном, та скрыла ее чудесные волосы.

– Это вы... Я так и подозревала, прочитав: «Вам грозит гибель, однажды погубивший надеется вас спасти», – она с великолепной иронией подчеркнула патетику слов моей записки и тут же взяла строгий тон: – Что вам угодно, де Бюсси?

Впервые увидев ее столь близко после встречи в Лодзи, я не без труда усмирил дыхание. Сердце попыталось разорвать колет – под куртку для прочности стоило нацепить кольчугу. Дело, наверно, не только в ее красоте. Не только в необычности обстоятельств нашего знакомства. В этой женщине было что-то магнетическое, особое. Возможно – как камертоном настроенное на ноты моей души. Не исключаю, что очаровался бы не меньше, будь она дурнушкой.

– Я, причинивший вам столько горя, не успокоюсь, пока не смогу возместить хотя бы самую малость... Мой духовник сказал, что никакое покаяние не облегчит мою участь, пока я не получу от вас прощение, пусть – лишь частичное! И сейчас, когда над вами нависла нешуточная опасность...

– Какая же? Все худшее в моей жизни произошло. Мне остается распрощаться с именами и вернуться в родительский дом, в затворничество, где ничто больше не будет напоминать про сумасшедший год в браке с маршалком.

– Но вы здесь! И король впечатлен вашей красотой!

Я торопливо объяснил все последствия монаршего беспутства, а также обычную участь его бывших любовниц.

– Как это мерзко... Но что же вы предлагаете во искупление своего греха? Не забывайте, Радзивиллы – не только мои покровители, но и кредиторы Чарторийских, а также моего отца. Я беспомощна, бесправна! А если принять ваши слова на веру, лишена возможности и на королевское заступничество – оно утопит меня еще глубже.

– Что же мешает верить моим словам? Мы говорим второй раз, и у вас не было повода упрекнуть меня в обмане.

Она печально опустила веки, обворожительная в грусти. Клянусь пеклом, в радости Эльжбета будет еще прекраснее, вот только пусть предоставит возможность нести ей радость!

– Вы поддержали обман Шико, сеньор. Что стоило разоблачить его и покориться моему мужу? Никто бы не умер. А его сумасбродная затея была обречена на провал: в свите Генриха полсотни воинов-дворян, увидев такой кортеж, на королевский поезд он бы и не вздумал нападать, вернулся в Лодзь ни с чем. Нет, Бог послал вас на его пути, и вы не позволили ему даже скрестить шпаги с Шико. Стреляли из пистолета с двадцати шагов? Браво, смелый рыцарь!

Муж без пистолета, только с кинжалом и шпагой был практически против вас безоружен... Это – не дуэль и не битва, де Бюсси. Это – подлое, хладнокровное убийство.

– Их поджидало в засаде раз в пять или в десять больше! – я едва не закричал от несправедливости и сам себе зажал рот, чтобы не быть услышанным де Келюсом и Чеховским.

– Можете убеждать себя в этом и дальше, оправдываться. Но если бы верили в свои оправдания, не умоляли бы меня о прощении.

Железная логика ее слов просто выбила из седла. Я только открыл рот, чтобы продолжить жалкие попытки удержать ее внимание, как со стороны Чеховского раздался шаг, появились отсветы факела.

– Кто-то идет... Пани Эльжбета, здесь мы не сможем продолжить, не раскрыв ваше инкогнито. Где я могу найти вас?

– Нужно ли, сеньор? Впрочем, место моего пребывания не составляет тайны, я живу в особняке Радзивиллов на Варшавском тракте. Ежедневно мы посещаем службы в соборе святых Станислава и Вацлава...

Она опустила капюшон как можно ниже и отступила в нишу, практически растворившись в темноте. Эскулап изо всех сил пытался привлечь мое внимание. Вскоре мимо нас проковылял пожилой магнат в сопровождении двух слуг, я кивнул ему, он молча удостоил меня ответным приветствием.

– ...Надеюсь, что вы никому не расскажете о нашей беседе. Месяца не прошло с похорон, а я тайно общаюсь с убийцей моего мужа... Я должна уйти, чтоб не вызывать подозрений. Прощайте, де Бюсси!

Лекарь проводил черную фигуру из галереи, а я погрузился в размышления, получив больше вопросов, нежели ответов.

Радзивиллы убыли. Кто с ней присутствует в Вавеле в качестве провожатого, у кого Чарторыйская просила не вызывать подозрений? Толстая тетка, тащившаяся следом в Лодзи? Ладно, потом спрошу Чеховского, это мелочь, важнее другое – роль вдовы в краковском фарсе, вылившемся в конфуз с танцем короля, а что произойдет дальше, пока не ясно.

Итак, Эльжбета – пленница Радзивиллов. Поэтому пребывала не среди краковских родственников покойного супруга, а находилась в лапах самого могущественного литовского клана. С их стороны вызрел какой-то заговор, и она – пешка в их игре... Возможно, магнаты сами решили уложить ее Генриху в постель, чтоб узнавать королевские тайны из первых уст? Тогда я по меньшей мере усложнил им партию. Юная дама наверняка проявит больше упорства при попытке затолкать ее в объятия монарха.

Мало, мало данных! За кого голосовали Радзивиллы на Сейме – за Габсбурга, Генриха, Стефана Батория, шведского Юхана или Ивана Грозного? Я еще очень скверно ориентировался в здешней политике.

Не мог ответить даже на самый простой, внутренний вопрос – противлюсь ли возможной ее связи с Анжу из желания не накалять обстановку перед коронацией или из ревности, влюбляясь как мальчишка-щенок? Ну, хорошо хоть векторы обеих целей совпали.

А была ли у меня надежда на взаимность, пусть призрачная? Как минимум женщина не отвергла наотрез возможность еще одной встречи...

Наконец, что же я буду делать, если Генрих велит мне, Шико, де Келюсу и де Бреньи доставить Чарторыйскую в одну из башен Вавельского дворца для нежно-интимного общения с сувереном? Отказ повиноваться приравнивается к государственной измене!

Наутро этот неприятный прогноз оправдался. Выражаясь языком разведки, приказ об оперативной разработке объекта «Вдова» был оглашен королем, лишь только он открыл глаза и собрал в кучу наиболее доверенных придворных.

Генрих восседал в кресле в своих апартаментах в сорочке и мягких штанах-колютах с валиками по низу, гораздо более удобных, чем шарообразные короткие о-де-шосс. В руке неиз-

менный бокал с вином, постепенно пустевший (как в монаршее чрево столько вмещается?), на устах одна тема: решение женского вопроса.

– Мерзавец Шико, ты чертовски прав – от женитьбы на Анне мне не уйти, в лучшем случае я оттяну неизбежное месяцев на шесть.

– Она не помолодеет за эти шесть месяцев, – безжалостно сострил шут, получив в награду меткий бросок королевской туфлей, на которую было потрачено целое состояние.

Пару часов назад мы уже успели обсудить с Шико проблему Радзивиллов. От его пронизательных глаз не укрылось мое волнение при упоминании Чарторыйской.

– Не спорю, яркая особа. На мой вкус, грудь маловата и обсыпана родинками словно мусором, глаза уж слишком большие, в лице что-то татарское... Ты прав, Луи, я придираюсь, для провинции вполне даже неплохо. Рекомендую разок-другой употребить для пользы здоровья и оставить. А что именно ты упокоил ее благоверного, в этом есть какая-то пикантность, не находишь?

Беседа протекала в разгромленной обеденной зале. Шико извлек из мясной груды гусиную тушку и принялся разделять ее, будто показывая мне: вот так надо поступать с трофеями на завоеванной территории, а не витать в облаках и не строить иллюзий.

От скабрзностей по поводу Эльжбеты меня тошнило, но ничего не поделаешь, я вынужден был подыгрывать в том же духе, без его помощи сложно.

– Нахожу, что я имел бы больше шансов наставить рога живому мужу, чем соблазнять вдову. Особенно – имея в соперниках короля.

– Я попробую убедить Генриха... Не благодари! В его же интересах. Нам ни в коем случае нельзя допустить здесь беспорядки, из-за которых придется ретироваться в Париж. Король Карл болен, бездетен и подозрителен к своим братьям, он непременно заподозрит, что Генрих скоропалительно вернулся, чтобы захватить парижский престол, тогда с ним обязательно случится несчастный случай на охоте. Екатерина прямо намекала: она удаляет Анжу из Парижа, чтобы предотвратить братоубийство. С польскими карасями справимся быстрее. О Радзивиллах раскопаем все, что только можно узнать. Что же ты планируешь?

О, планов даже слишком много. Не забыл и о намерении повлиять на польскую внешнюю политику, наш Хенрик точно не горел желанием воевать с Русским царством.

– Сегодня же начну посещать все службы в соборе!

– А если она не придет?

– На этот случай она сообщила место своего пристанища. Ночью заберусь в особняк!

Ободренный той ночной беседой, я несколько легче перенес разглагольствования Генриха в адрес Чарторыйской, но до успокоения мне было далеко. Улучив момент, когда король сосредоточился на удовлетворении малой королевской нужды, ничем не отличающейся от таковой у его подданных, Шико продолжил начатый вечером диалог о вдове, выдвинув совершенно неожиданную идею.

– Решено! Я заберусь к Радзивиллам вместе с тобой.

Если бы он предложил мне себя в любовники, я бы удивился меньше.

– Ты пойдешь против воли Анжу?

– Совсем не обязательно! – Шико с хитрецей в глазах оглянулся на портьеру, закрывающую запасной ход в покои Генриха, оттуда кто-то вполне был способен подслушать наши маленькие секреты. – Он же не просил срочно выкрасть Чарторыйскую и принести в мешке! Надо только подготовить почву, разнюхать – то есть делать то, что ты сам рвешься и без королевского указа. Там что-нибудь образуется.

Я не мог разделить его оптимизм. Анжу выразился ясно: если он утолит жар своих чресел с вдовой, то, полный вдохновения, одолеет консуммацию брака с Анной Ягеллонкой. Как и в другие времена, в шестнадцатом веке многие государственные проблемы решались только через постель.

Оставленную в Париже возлюбленную Марию, волею Екатерины Медичи отданную принцу де Конде, Генрих даже не вспоминал, переключившись на новую вожаемую цель.

Кстати, кроме интрижек на одну ночь с вдовушками и замужними, Анжу по пути в Краков всерьез флиртовал с весьма странной особой Луизой Лотарингской. Заканчивалась осень, мы остановились в замке Номени. Двадцатилетняя дочь герцога де Меркер, рано осиротевшая и воспитанная в строгих провинциальных обычаях, продемонстрировала исключительную светскую выучку. Она склоняла глазки к полу, при любой реплике Генриха неизменно отвечала «да, сир», своевременно покрывалась румянцем, когда на нее обращали внимание, а ее приседания-книксены, олицетворявшие покорность, были настолько хороши, что их стоило использовать как образец для подражания другим молодым барышням. Скорее милостивая, чем красивая, Луиза умела поддержать разговор на любую тему, но всегда ограничивалась двумя-тремя фразами и далее терпеливо ждала, пока Генрих что-то не брякнет в ответ, затем расцветала, словно услышала бессмертное откровение, достойное Сократа и Аристотеля.

Когда мы продолжили путь, Анжу разразился пространными рассуждениями, что вот именно такой обязана быть идеальная жена высокогородного француза – прекрасного происхождения, образцового воспитания, покорная, приятная глазу, но не слишком, чтоб не вызывать похотливых желаний у парижских ловеласов наставить мужу рога.

– Покорность у нее напускная, – позже шепнул Шико, когда мы оставили короля и снова ехали верхом, приближаясь к германским землям. – Чует сердце, это сам дьявол в юбке. Ей бы только поймать подходящего мужа на крючок, потом бедняга пикнуть не посмеет.

Я тогда промолчал, плотнее запахиваясь в плащ. На черную гриву Матильды падали первые снежинки приближающейся зимы. А у меня было что вспомнить.

...«Кроткая» Луиза, поймав меня на коридоре, предметно и настойчиво расспрашивала о парижском свете, куда мечтала попасть, а не влачить существование в замках Лотарингии до старости. Очень интересовалась Генрихом и своими соперницами на его сердце. Я рассказывал, стараясь добавить в повествование иронии и немного перчика, она очаровательно смеялась, ни разу не опустив ресницы в показном приступе стыдливости, и вдруг фривольно провела пальчиком по моей щеке.

– Вы очень милы, сеньор де Бюсси. Рано или поздно я приеду в Париж. До новой встречи! Буду ждать...

Анжу вполне подходил для планов Луизы. К его услугам тысячи других женщин, считающих, что статус любовницы короля, пусть даже на одну-единственную ночь, весомее любой награды, престижнее титула и ценнее поместья. Тем более раздача наград, титулов и поместий как раз находилась в королевской компетенции. Но жениться монарх имел право только на одной, и развод в эту строгую эпоху давался чрезвычайно сложно даже коронованным особам.

Через постель Генриха прошли многие сотни, если не тысячи женщин!

Ну что же он прицепился к единственной, что стала мне вдруг по-настоящему дорога?

Как же мне было тошно...

Глава шестая Радзивиллы

Ночью Краков производил тягостное впечатление, и это не только мнение Анжу. Здесь рано ложились спать, танцы за полночь и, соответственно, светящиеся допоздна окна в польской столице – в диковинку. Парижский талант радоваться жизни пока не прижился.

Мы не взяли лошадей, чтобы их ржанием и стуком копыт не выдать себя раньше времени. Я топал первым в сторону Северного барбакана – массивной башни на выезде из города, касаясь рукой практически невидимой стены дома. Сапоги скользили по неровным обледенным булыжникам мостовой. Днем обследовал маршрут, чтоб не сбиться с дороги, но ночью все выглядело совершенно иначе. Точнее – никак не выглядело из-за чертовой темноты.

Улица Гродска, парадная магистраль от центра Кракова до Вавельского холма, была такая узкая, что два экипажа едва разминутся, здесь сложно заблудиться. Потом начался рынок. От шорных лавок потянуло густым дубильным духом и отвратительным запахом подгнившей кожи, он даже в феврале силен, страшно представить, что будет летом. С рыночной площади в темноту убежали несколько улочек, и я постарался угадать нужную.

Миновали рынок с суконными рядами и двинули к Флорентийским воротам. Справа от меня сопел Шико, за ним крался де Келюс, замыкали процессию Жак и Чеховский, последнего я взял из-за рискованности предприятия – шанс получить пулю или удар кинжалом был весьма высок.

Придворный шут рассказал обо всем, что удалось выяснить за два дня.

– Главный враг Генриха, без сомнения, это великий канцлер литовский князь Николай Радзивилл по прозвищу Рыжий. Он – кальвинист, ярый противник союза Литвы и Польши. Строил козни, рассчитывая посадить на краковский трон монарха из дома Габсбургов с тем, чтобы разорвать с его помощью Люблинскую унию и самому получить пост великого князя независимой Литвы. Авторитетный военачальник, Рыжий прославился походами против московитов, особенно битвой при Чашниках, где разбил войско Шуйского.

Такова история, но в голове плохо укладывалось, что литвины, в будущем – белорусы и главные союзники россиян, многие века представляли собой зло хуже татар для городов современной центральной России. Литовские князья трижды окружали и штурмовали Москву, жгли посады, обкладывали данью... Ягайло преспокойно дождался, когда войска Дмитрия Донского и Мамаю обескровят друг друга в жестокой Куликовской сече, а потом напал на возвращающихся домой победителей, без жалости убивая раненых и истощенных русских воинов, литвины отобрали оружие, трофеи, коней... Поэтому не удивительно, что татары Тохтамыша без особых усилий захватили Москву – после литовского удара в спину оборонять ее было некому!

Это все в прошлом моем мире относилось к давней истории, в нынешней реальности в полную силу пылала вражда между Русским царством и Великим княжеством Литовским, Русским и Жамойтским... Да-да, русским, сам не мог привыкнуть, что Литва считала себя Русью.

Я вспомнил главного из местных Радзивиллов, по крайней мере, отличающегося наиболее властной манерой держаться, он прилип к королевскому поезду вскоре после Лодзи. Волосы, зачесанные назад, и светлую его бородку с усами только при очень большом напряжении воображения можно было назвать рыжими, они куда ближе к цвету спелой пшеницы.

– Он – молодой совсем, лет двадцать пять, примерно как я.

Шико старше всего лишь на девять лет, но частенько пытался играть роль умудренного старца и предпочитал менторский тон.

– Радзивилл Рыжий не удостоил нас чести прибыть в Вавель, старший в их клане здесь Николай Сиротка, князь и маршалок надворный литовский, как раз ему двадцать пять и есть. Из тех, кто голосовал за Эрнеста Габсбурга против нашего Генриха.

– Тоже кальвинист? – Странно, я видел его обнаженную голову во время церковной службы в католическом соборе. – Или...

– Католик. Что не мешает ему выступать заодно с Радзивиллами-протестантами. Если планы великого канцлера воплотятся, я не вижу иной фигуры во главе армии Литвы, кроме как Сиротки.

Пусть на улицах Кракова по-прежнему темень, но в политике Речи Посполитой ситуация для меня стала чуть светлее. Намерения Екатерины Медичи и королей династии Валуа присоединить Польшу и Литву к Франции навечно, использовав коронацию Генриха как начало комбинации, не отвечали планам литвинских князей стать самим у штурвала пусть уменьшенной, но совершенно независимой державы.

– Где-то здесь... – вполголоса произнес де Келюс. В полумраке едва было видно, что его тонкие усики, похожие на крысиные хвостики, торчат в стороны, словно стрелки часов на без четверти три. – Их слуга признался, что вдову держат в комнатах третьего этажа, окна выходят в глухой двор.

Я раздраженно обернулся. Почему столь важные вещи узнал только сейчас? И если слуга проболтается, что его расспрашивали люди де Келюса... Оказалось – не проболтается.

– Конечно, они могут обеспокоиться пропажей слуги, – продолжил коротышка. – Но вряд ли, это в порядке вещей, ушел в лавку за мясом с хозяйскими злотыми и сбежал. Эка невидаль!

– От тебя не сбежит? – спросил его на всякий случай.

– Он уже ни от кого никогда не улизнет! – хихикнул де Келюс и совершенно зря: мы на чужой, но пока не на вражеской земле. Убивать слугу просто ради допроса о внутренней обстановке особняка показалось мне чрезмерным.

– Тогда веди вперед, – подтолкнул его Шико, но наш соучастник уперся, ссылаясь на боязнь высоты. Зато от него мы довольно подробно узнали о внутреннем устройстве пристанища Радзивиллов – огромного особняка или небольшого дворца, как будет угодно. А также крепости, способной выдержать осаду крупного отряда, если только не разнести фасад из пушек...

Крыши домов едва выделялись на фоне беззвездного неба. Глядя на примыкающий к цитадели особняк чуть поменьше, я указал на него де Келюсу:

– Этот чей?

Увы, столь важный вопрос ушлый малый покойнику не задал.

– Живут точно не хлебопашцы, – заступился Шико. – Так что не вижу разницы. Ты задумал перебраться к Радзивиллам через крышу?

– Днем не увидел иного пути. Окна, выходящие в проулок, все забраны ставнями, нам остаются чердачные.

Человек благоразумный умыл бы руки и только пожелал мне удачи. Но сегодня дух авантюры захватил и шута.

– Что же, идем на крышу. Ангельские крылья мне не светят, ибо много грехов. Сорвусь – хоть здесь полетаю напоследок.

Тонкая, но прочная веревка обвила петлю арбалетного болта, увенчанного трехлапой кошкой. Щелкнула тетива, мой метательный снаряд улетел в черноту, с крыши донесся грохот, и мне показалось, что он поднимет на ноги всех жителей столицы. Выждали, но не обнаружили никакой реакции на мою выходку. Шико решительно взялся за веревку, я отстранил его: честь первым свернуть шею принадлежала инициатору экспедиции.

Часто навязанные узлы не слишком облегчили восхождение. Я трепыхался меж черным небом и мостовой, постепенно теряя чувство пространства, подошвы сапог скребли по камен-

ной стене... Еще миг – и кошка отцепится от невидимого мне уступа, грохнусь с высоты второго этажа на камни, тогда никакая самогонка Чеховского не залечит сломанный хребет.

Шаг. Еще шаг... Нога сорвалась, я болтался на веревке, тщетно пытаюсь нащупать опору... Боже, зачем я пошел на такой риск? Ради чего? Неужели не было другого способа вызвать Чарторыйскую на разговор... Например, продолжить дежурство у собора – вдруг ее отпустили бы к службе на следующий день. Все же молодые гормоны де Бюсси слишком часто втравливали меня в авантюры.

Мышцы застонали от непосильной натуги! С превеликим трудом подавил желание чуть расслабить пальцы и съехать вниз по веревке. Наверно, решил бы, если бы там не стоял Шико. Сдамся – и он своими шуточками сведет меня с ума или в могилу!

Под ногами, наконец, оказался черепичный край крыши. Одна из черепиц, ненароком вывернутая, полетела вниз, и осталось только надеяться, что прямо подо мной никто не ротозейничает... Точно – никто, потому что грохот черепицы о мостовую ничем не смягчен. Если еще кто-то в Кракове не узнал о шалостях французов, тут даже глухой услышит...

Шико взлетел на крышу по веревке, гибкий и цепкий как обезьяна.

– Я уж замерз, пока ты прохлаждался на стене.

Мне тоже холодно – плащи мы оставили Жаку. С собой взяты лишь кинжалы, чтоб не чувствовать себя безоружными.

Крыша островерхая, осторожно пробрались к особняку Радзивиллов по самому гребню – на скате точно не удержаться. Шико поддел острием клинка оконце и ввинтился внутрь. Я старался не отставать.

Внутри пахло гнилью. Полцарства за фонарик... Если кому-то приходилось ползать по чердачным стропилам старинного дома, где все в паутине и в помете летучих мышей, да еще в непроглядной тьме, меня поймет.

– Тихо! Шаги...

Едва заметным силуэтом проступил контур двери. Там действительно бродил какой-то полуночник. Или призрак, здесь ничему не удивлюсь.

Выждав, пока шаги не стихли, мы выбрались на коридор третьего этажа. Шико кончиком кинжала указал на вторую дверь от лестницы, про которую толковал де Келюс. Я на цыпочках приблизился к ней, чтобы тихонько постучаться, когда снизу донеслись приглушенные голоса.

Лестница с этого уровня спустилась в обширную залу, оттуда потянуло живительное тепло, столь необходимое нашим окоченевшим телам. Шико без раздумий ступил на лестницу, и я вынужден был отложить проникновение в спальню вдовы на потом.

Мы крались, щупая ногой ступеньку за ступенькой, любой скрип способен был сгубить обоих. Кровь стучала в ушах. Казалось, что бешеный грохот сердца сейчас потревожит всех обитателей особняка! Чихни – и конец...

Внизу уютно потрескивали поленья в камине. В креслах расположились двое. Один – в черном, сверху виднелась выбритая макушка католического священнослужителя. Во втором я признал Радзивилла Сиротку.

Мы обратились в слух. Внизу продолжился начатый и, очевидно, весьма важный разговор.

– ...Нельзя повторять ошибок! – увещевал собеседника маршалок. – Как только с Валезой будет покончено, Эрнест должен быть немедленно призван на посполитый престол.

За месяц, проведенный в Польше, я чуть лучше научился понимать местный язык, поэтому в общих чертах сказанное усваивал, рядом столь же напряженно вслушивался Шико. Эрнест – это Габсбург, соперник Генриха. Что еще нам сообщат заговорщики?

– Несомненно, – согласился священник. – Но все же сначала я хочу убедиться, что к коронации вы приготовились самым тщательным образом.

– Уверяю вас, пан Юрий. Все пройдет как нельзя лучше. Главное, никто не заподозрит, что мы замешаны в покушении.

– Меня беспокоит Ян Фирлей. У старикана в подчинении вся внутренняя стража. Он Хенрика не жалует, но для маршалка – дело чести уберечь короля. Тем более проклятый француз клялся ему сохранить протестантские вольности.

Собеседники от заговора постепенно перешли к делам хозяйским, попутно коснулись «бедной Эльжбеты», Сиротка настаивал на скорейшей отправке ее в Несвиж, а названный паном Юрием призывал не торопиться – скоро в Кракове французов не останется совсем, и Чарторыйская, вероятно, имеет здесь гораздо больше шансов составить партию достойному мужу, нежели в Несвиже. Потом беседа возвратилась к заговору на коронации, но ничего нового мы не услышали.

Казалось бы, такое странное совпадение – мы только проникли во вражеское логово и тотчас попали на обсуждение самых насущных секретов – должно насторожить. Но, по здравому размышлению, никакого совпадения нет. Что еще пережевывать Радзивиллам в ночной тиши у камина, когда прислуга отпущена и мирно спит? Вот и крутился разговор вокруг одних и тех же событий.

Тихонько возвратились наверх, Шико с неудовольствием оставил подслушивание.

– Юрий – это сын покойного Николая Радзивилла Черного, – прошептал мой спутник, подкованный в генеалогическом древе магнатов. – Был ярым кальвинистом, как и отец, сейчас еще более ревностный католик, поэтому столь враждебен Яну Фирлею... Вижу, тебе не до политики. Удачной охоты, Луи! Но если вдовушка вдруг закричит, заткни ей рот. Поцелуем или просто задушишь – твое дело. Главное – чтоб тихо!

Ободренный напутствием, я тихонько стукнул в заветную дверь, но не получил ответа. Попробовал за ручку – заперто. Делать нечего, вставил лезвие кинжала в щель и приподнял щеколду с внутренней стороны. Путь свободен!

В глубине обширной комнаты виднелась конторка с письменным прибором, у которой горела свеча. Эльжбета в длиннополом турецком халате и ночном чепце что-то сосредоточенно писала гусиным пером. Увлелась так, что не услышала стука?

Чувствуя себя последним негодником, вломившимся ночью без приглашения в спальню молодой красавицы, я опустил на колено и прошептал:

– Только не пугайтесь, несравненная! Это я, ваш покорный слуга и безнадежный поклонник.

Она вскочила и сама прикрыла рот пальцами, избавляя меня от предписанных Шико крайних мер, да я бы никогда и не посмел душить... разве что поцеловать. По правде говоря, к ней даже прикоснуться страшно, такой нежной, хрупкой, дрожащей при виде мужлана в черном, заляпанного паутиной, смердящего пометом летучих мышей...

– Де Бюсси! Вы с ума сошли! – Ее охватило непритворное негодование, но голос все же не повысила и продолжила тем же рассерженным шепотом: – Вы хотите окончательно сгубить остатки моей репутации?!

– Я полностью в вашей власти, прекрасная пани. Вам достаточно кликнуть слуг, а их полон дом, как меня схватят, убьют или, что еще хуже, обесчестят, объявив всему Кракову, что я ворвался среди ночи в покои вдовы...

– О Езус Мария! – она заломила руки. – Вы, французы, взрослеете когда-нибудь? Считаете, что забраться к привлекательной женщине, рискуя всем на свете, это так романтично?

– Грешен... Так и есть... Но я услышал, что Радзивиллы собираются отослать вас на восток, где я не буду иметь ни малейшего шанса увидеть ваши глаза и вновь предложить располагать мною, в надежде хоть частично исправить причиненное вам зло!

Она царственно шагнула в мою сторону, не обращая внимания, что низ халата распахнулся, открыв шелк нижней юбки. От ее приближения захватило дух.

– Вы сумасшедший и очаровательный молодой человек, сеньор. Не скрою, вы умеете произвести впечатление... Я даже представить себе не могу, чтобы кто-то в этих землях досаждал знаками внимания женщине, которую сам сделал вдовой. Скорее всего, такому наглецу пришлось бы пасть от руки родственников убитого.

– Возможно, и меня это ждет. Но пока я жив, рискну предложить вам: бегите со мной! Я брошу королевскую службу, от нее не вижу ничего, кроме постоянного испытания чести. От отца у меня остались имения в Анжу. Да, и титул, правда – всего лишь баронский... Но я клянусь, что все это положу к вашим ногам! А жизнь во Франции совершенно другая. Подумайте! Никаких долгов, никаких косых взглядов, только просторные луга, виноградники, залитый солнцем лес с оленями и косулями. У вас всегда будут лучшие парижские наряды, лучшие выезды... Вы увидите всю Европу – не только Францию, но и Вену, Рим, Флоренцию!

– Вы предлагаете мне руку и сердце... или только быть компаньонкой в бегстве, то есть любовницей? Остыньте, барон! Я не буду ничьей любовницей – ни вашей, ни короля, ни кого-либо из Радзивиллов. И я никуда не уеду из Кракова – ни в Несвиж, ни в Париж, ни в Вену. Только с любящим и любимым, преданным мне супругом, когда закончится траур. Видит Бог, я даже представить не могу себя влюбленной в человека, разрушившего мою жизнь. Теперь покиньте меня, не то я действительно буду вынуждена звать на помощь.

Отступил, чувствуя себя битым псом, затем спустился по узлам на стылую мостовую, не ощущая ни холода, ни рези в ладонях от веревки. В голове набатным колоколом бились услышанные от Эльжбеты слова.

...Очаровательный молодой человек... Никуда не уеду... Не буду любовницей короля или Радзивиллов...

Конечно, не стоит забывать, что меня она тоже отвергла. А готов ли я был звать ее под венец? В покинутом мире, кстати, осталась и моя супруга, с ней мой сын, давно уже взрослый. Но тут все заново, прежнее не в счет... Я для прежней семьи, видимо, умер. Значит – живу практически с чистого листа, кроме нескольких подлых поступков, учиненных де Бюсси в Варфоломеевскую ночь и немного раньше. Да и не все, на листе начертанное уже после моего вселения в дворянскую плоть, разумно считать предметом гордости.

Шико выслушал краткое изложение разговора с Чарторыйской и выделил единственно важное для короля – ему не готовы распахнуть объятия, тем лучше, конечно, однако сопротивление дичи лишь распаляет охотника.

– Послезавтра коронация, господа! Давайте сначала переживем коронацию, – воскликнул мой друг. – Славно, что мы предупреждены о заговоре. Вся надежда на верность Яна Фирлея и нашу маленькую придворную гвардию. Келюс, Жак и... как там тебя... Чеховский! Напоминаю еще раз – ни слова даже духовнику на исповеди, иначе проткну язык через затылок.

Он умел убеждать.

Глава седьмая Перед коронацией

От талантов владеть оружием зависело само существование в этом опасном мире.

Конечно, я знал много больше орудий убийств, чем придумано к концу шестнадцатого века, но не было никакой возможности изготовить хотя бы малую их часть. Я довольно точно представлял устройство автомата Калашникова и не сомневался, что дюжина их стволов одним только эффектом неожиданности обратит в бегство даже стотысячную армию, но понятия не имел, какие соединения применяются в капсуле патрона, открыты ли они к 1570-м годам и как называются на местном алхимическом языке. Про технологию легирования стали, чтобы ствол не разорвало первым же выстрелом, прошу у меня не допытываться.

Все, что удалось сделать за полтора года пребывания в Париже из огнестрельного оружия, так это воплотить в металле пару дуствольных пистолетов с кремневым механизмом запала пороха вместо фитильного и нарезными каналами стволов.

Когда разведчика готовят к операциям за границей, в число навыков входит сооружение смертоносных штучек из самых простых подручных материалов. Я обзавелся комплектом метательных звездочек, а кошель с золотыми монетами, перепавший мастеру-оружейнику, замкнул ему рот, чтоб не задавал лишних вопросов и ни с кем не откровенничал. По понятным причинам отрабатывать бросок выдавалась возможность только в стороне от любопытных глаз, обычно в лесу, где никто не заметит мои ошибки и не укажет, как их исправить, поэтому все сам, сам...

С фехтованием проще, к моим услугам был самый квалифицированный наставник Франции. И самый колючий на язык.

– Ангард!

Я преспокойно уклонился от атаки и обвел его шпагу, одновременно не выпуская из виду левую руку Шико с кинжалом, готовую нанести предательский удар. Он вдруг кинул кинжал прямо мне в лоб, резко и сильно, словно получил команду меня убить. Едва парировал бросок, но его шпага тут же вспорола мне ватную куртку до сорочки.

– Выпью сегодня за упокой вашей души, де Бюсси, вы уже трижды покойник!

Первый раз он поймал кончик моей шпаги гардой кинжала, и я не сумел отразить своим кинжалом молниеносный укус его клинка. Потом во время моей, казалось бы, безупречной атаки Шико отскочил назад и зачерпнул сапогом свежий конский навоз, щедро рассыпанный по Вавельскому холму близ дворца, ароматные шары брызнули мне в лицо, залепили глаза... Он не уколол, всего лишь приставил клинок к горлу и ядовито заметил:

– За жизнь нашего Генриха не поставлю и ломаный грош, если тот отправится в ночную вылазку под защитой «рыцаря конского дерьма».

Я не пытался его увещевать, что подобные подлые приемы не делают чести дворянину. Он в таких случаях неизменно ухмылялся в усы, заявляя: «С того света всем объяснишь, де Бюсси, как ты был прав, а твой противник – нет». Или: «Сохранить честь хорошо, но неплохо бы сохранить и жизнь».

Но «рыцарь конского дерьма» – перебор даже по меркам придворного шута. И что мне было делать? Вызвать его на дуэль? В четвертый раз стану покойником, причем в последний. Даже отказаться от его уроков не могу. Здесь, если долгими часами не упражняешься ежедневно, непременно встретишь более подготовленного любителя скрестить шпаги. А лучше, чем эта заноза, никто в Кракове не составил бы компанию.

Жаль, что я не увлекался фехтованием в прежней жизни. Впрочем, изящное владение шпагой на спортивной дорожке здесь пригодилось бы только отчасти: надо быть готовым к нападению двух или даже трех противников, вооруженных самым разнообразным оружием

и не брезгующих любыми средствами, уметь постоять за себя верхом, в узких коридорах, на скользких улочках, лестницах, галереях... В этом спорте есть всего лишь одна награда – проснуться на следующее утро живым.

Фехтование на шпагах уступило место рубке на саблях, они затупленные и не наносят ран, но оставляют сине-бордовые отметины, Шико не упустит случая покарать за ошибку. Я тоже, но мне его достать удавалось гораздо реже.

Опробовали с ним ситуацию, когда один из нас вооружен шпагой и кинжалом, на французский манер, а противник саблей или излюбленными поляками клевцом и шестопером. Шпага позволяет достать соперника в выпаде и увернуться от встречного удара, но отразить ею кавалерийскую саблю, палаш или другие тяжелые польские игрушки, призванные пробивать кольчугу, очень сложно. Особенно если противников больше, тогда только сабельная защита обещает спасение.

Предполагаю, что за нашим единоборством следили десятки пар глаз, в первую очередь – польских, шляхтичи и их окружение надеялись перенять французское искусство выпускать кишки из ближнего не менее, чем их дамы желали переодеться в наряды по последней европейской моде. Что же, наблюдать со стороны одно, а самому померяться силами с Шико – совершенно иное, он десятки раз побеждал меня одним и тем же виртуозно отточенным финтом, хорошо известным.

Завтра нам понадобятся все силы и все умение, чтобы выследить убийцу, подосланного Радзивиллами к Генриху, и вовремя перехватить.

Анжу, как обычно, просыпался в Вавеле после полудня. Мы с Шико удостоены ежедневной чести присутствовать при завтраке, здесь же суетился Чеховский с парой парижских лекарей – они следили за лакеями, на которых опробованы королевские блюда, пытаюсь узреть признаки отравления. Я видел лишь признаки обжорства.

Обеденный зал Вавельского дворца в отсутствие толпы приглашенных гостей казался большим и гулким. Живописных полотен и прочих украшений мало, вдоль стен скуцали пустые рыцарские доспехи, добрая половина – с рубцами от русского или татарского железа, боевые отметины считались предметом гордости.

Генрих с мрачной гримасой лениво ковырял грудку фазана. Краем уха слышал его жалобы лекарю – некоторые болячки, в том числе не обсуждаемые вслух с посторонними, его начали беспокоить.

Здесь нет антибиотиков, а рекомендовать ему пары ртути я воздержался, это лекарство порой хуже самой болезни. Но есть народное средство, подавляющее возбудителей большинства инфекций.

Я наклонился к уху короля, привычно оттянутому двумя сережками с драгоценными камнями, и скороговоркой прошептал о рекомендованном моим эскулапом средстве – «баня а-ля рюсс». Генрих скривился, нервно закрутив пальцами ус.

– Ты хочешь сварить меня заживо, де Бюсси?

– Разделю испытание с вами! Посудите сами, мой король, предложенные парижскими лекарями колдовские зелья еще в меньшей степени вызывают доверие.

Русская баня с влажным паром на западных землях Речи Посполитой была не слишком распространена. Но, видно, потакая вкусам православных князей из Великого княжества Литовского, в Вавеле одну такую соорудили. Веники тоже нашлись.

В предбаннике король, совершенно голый и обмотанный только белой полотняной туникой, тревожно втянул носом влажный воздух.

– Нательный крест настоятельно прошу тоже снять. В парилке он нагреется и начнет немилосердно жечь кожу. Я свой снял!

Рядом с ноги на ногу переминался Шико, у него даже желание острить пропало. Спокойно чувствовал себя только Чеховский, ему русская баня не впервой. Он тоже был без креста.

– Вы, двое... – решился король. – Идите первыми! Если уцелеете, я подумаю. Сгорите – туда вам и дорога.

– Вы всегда были добры ко мне! – с этими словами я нырнул в горячий полумрак.

Свет едва пробивался через крохотное оконце, в парной было ужасно темно.

– Готовы, сеньор де Бюсси? Начинаю!

Я не успел ничего возразить, как Чеховский обильно плеснул воду на камни. Кошмар... Конечно, париться приходилось многократно и в русской бане, и в финской, и в турецкой. Но в другой жизни и в другом теле, для де Бюсси это впервые!

Терпел на полке, пока не ощутил приближение потери сознания. С трудом удалось свалиться на пол. Мучитель восседал вверху и что-то напевал.

– Еще добавим парку, сеньор?

– Если такое вытворишь при короле, посажу тебя голым задом на камни!

Кубарем выкатившись из парной, я продемонстрировал Генриху и Шико самое счастливое лица, которое только смог соорудить. Лишь после бадьи ледяной воды на голову обрел дар речи.

– Великолепно, мои друзья! Чего же вы ждете?

Следующий отрезок времени, наверно, запомнился мне больше, чем Варфоломеевская ночь и схватка в лесу под Лодзью, вместе взятые. Генрих поклялся всеми святыми уничтожить мою семью до седьмого колена, сжечь тела и пепел развеять... если он выйдет из парилки живым. Под веником король только жалобно стонал. На очередной его ноте Шико взвыл в унисон где-то у ног, на полу, а неугомонный Чеховский, ободренный признаками высочайшего энтузиазма, опрокинул на камни следующий ковш воды!

Когда мы пришли в себя снаружи, попивая прохладное кислое вино, шут первый раз после входа в пыточную связал фразу длиннее трех слов. Не считая, конечно, проклятий.

– Дьявол тебя задерит, де Бюсси! Если ты решил заменить коронацию королевскими похоронами, тебе это почти удалось.

– Неужели ты не ощущаешь восторга, прилива новых сил?

– Только восторг, что все это кончилось, – ответило неблагодарное создание. – Клянусь отныне вести праведный образ жизни, если в адских котлах хотя бы наполовину так горячо, как в бане а-ля рюсс!

Его величество только обессиленно кивнуло.

– Зато здесь никто не посмеет мешать или подслушивать, – я выразительно глянул на лекаря-банщика, поляк немедленно исчез. – То, что мне не удалось в парилке – убить вас, мой Генрих, завтра попытаются сделать Радзивиллы.

– И что же мне делать? – Анжу воздел очи вверх, будто на влажном потолке проступили буквы ответа. – Обставить коронацию тайно, как венчание сбежавшей из-под родительского надзора юной парочки? Удалить всех этих Радзивиллов, Потоцких, Чарторыйских... Кроме одной Чарторыйской, она – пусть.

Не забыл, не успокоился... Хотя если мне не удалось выкинуть ее из головы, почему он должен? Генрих, в конце концов, завтра наденет корону. И не ему выпало сделать Эльжбету вдовой. Шансов на успех у короля неизмеримо больше!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.